DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2020 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/ptitsyvvozdukie01balm

Из книг

Ефима Дурбевича

Декабрь 12 дн. 0 ф.

Лем и Мишо

Ефим

Женева, 18 марта 0 г.

К. Д. Бальмонтъ

Balmont

ПТИЦЫ въ ВОЗДУХѢ

Строки напѣвныя

Изд. Шиповникъ
С. П. Б.
1908

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

891.71
B194P

Мы уйдемъ на закатъ багрянаго дня
Въ нашъ наполненный птичьими криками садъ.
Слушай ихъ, межъ вѣтвей. Или слушай меня.
Я съ тобой говорю — какъ они говорятъ.

Миновала зима. И въ воздушность маня,
Это — сердце душѣ говоритъ черезъ взглядъ.
Эти птицы поютъ о дрожаньяхъ Огня.
Ихъ понять торопись. Пропоютъ, улетятъ.

ВЪ ЯРКИХЪ БРЫЗГАХЪ

ДВАЖДЫ-РОЖДЕННЫЕ.

Мы вольныя птицы, мы дважды-рожденные,
Для жизни, и жизни живой.
Мы были во тьмѣ, отъ Небесъ огражденные,
Въ молчаньи, въ тюрьмѣ круговой.

Мы были какъ бы въ саркофагной овальности,
Все то же, все то же, все то жь.
Но вотъ всколыхнулась безгласность печальности,
Живу я — мой другъ — ты живешь.

Мы пьяность, мы птицы, мы дважды-рожденные,
Намъ крылья, намъ крылья даны.
Какъ жутко умчаться въ провалы бездонные,
Какъ странно глядѣть съ вышины.

СЪ ВѢТРАМИ.

Душа откуда-то приносится Вѣтрами,
    Чтобъ жить, свѣтясь въ земныхъ тѣлахъ.
Она, свободная, какъ вихрь владѣетъ нами,
    Въ обманно-смертныхъ нашихъ снахъ.

Она какъ молнія, она какъ буревѣстникъ,
    Какъ ускользающій фрегатъ,
Какъ воскрешающій — отшедшихъ въ смерть — кудесникъ,
    Съ которымъ духи говорятъ.

Душа — красивая, она смѣется съ нами,
    Она поетъ на темномъ днѣ.
И какъ приносится, уносится съ Вѣтрами,
    Чтобъ жить въ безмѣрной вышинѣ.

ХМѢЛЬНОЕ СОЛНЦЕ.

Лѣтомъ, въ мѣсяцѣ Іюлѣ,
Въ дни, когда пьянѣетъ Солнце,
Много странныхъ есть вещей
Въ хмѣлѣ солнечныхъ лучей.
Стонетъ лѣсъ въ громовомъ гулѣ,
Молній блескъ — огонь червонца.
Все кругомъ мѣняетъ видъ,
Самый воздухъ умъ пьянитъ.

Воздухъ видно. Дымка. Паритъ.
Воздухъ словно весь расплавленъ.
Въ чащу лѣса поскорѣй,
Вглубь, съ желанною твоей.
Въ мозгѣ нѣжный звонъ ударитъ,
Сердце тутъ, а умъ оставленъ.
Тѣло къ тѣлу тѣсно льнетъ.
Праздникъ тѣла. Счастье. Вотъ.

Ночь приходитъ. Всѣмъ извѣстно,
Ночь Иванова колдуетъ.
Звѣздный папоротникъ рви.
Мигъ поетъ въ твоей крови.
Пляшетъ пламя повсемѣстно.
Мглу огонь свѣтло цѣлуетъ.
Гдѣ костры сильнѣй горятъ,
Ройся глубже, вспыхнетъ кладъ.

ВИНО.

Хорошо цвѣтутъ цвѣты, украшая садъ.
Хорошо, что въ немъ поспѣлъ красный виноградъ.
Былъ онъ краснымъ, темнымъ сталъ, синій онъ теперь.
Хорошо, что входъ раскрытъ — что закрыта дверь.

Чрезъ раскрытый входъ вошелъ жаждущій намекъ.
И расцвѣлъ, и нѣжно цвѣлъ, между насъ цвѣтокъ.
Виноградъ вбиралъ огни. Будетъ. Суждено.
Счастье. Дверь скорѣй замкни. Будемъ пить вино.

ПЧЕЛА.

Пчела летитъ на красные цвѣты,
Отсюда медъ и воскъ и свѣчи.
Пчела летитъ на желтые цвѣты,
На темносиніе. А ты, мечта, а ты,
Какой желаешь съ міромъ встрѣчи?

Пчела звенитъ и строитъ улей свой,
Пчела принесена съ Венеры,
Свѣтъ Солнца въ ней съ Вечернею Звѣздой.
Мечта, отяжелѣй, но пылью цвѣтовой,
Ты свѣтъ зажжешь намъ, свѣчи вѣры.

ХАОСЪ.

Man muss noch Chaos in sich haben,
um einen tanzenden Stern zu gebären.
NIETZSCHE.

Пусть Хаосъ хохочетъ и пляшетъ во мнѣ,
Тотъ хохотъ пророчитъ звѣзду въ вышинѣ.
Кто любитъ стремительность пѣнной волны,
Тотъ можетъ увидѣть жемчужные сны.

Кто въ сердцѣ лелѣетъ восторгъ и бѣду,
Тотъ новую выброситъ Міру звѣзду.
Кто любитъ разорванность пляшущихъ водъ,
Тотъ знаетъ, какъ Хаосъ красиво поетъ.

О, звѣзды морскія, кружитесь во мнѣ,
Смѣшинки, рождайтесь въ разсыпчатомъ снѣ.
Потопимъ добро грузовыхъ кораблей,
И будемъ смѣяться надъ страхомъ людей.

Красивы глаза у тоскующихъ вдовъ,
Красиво рожденіе новыхъ цвѣтовъ.
И жизни оборванной бѣлую нить
Красиво румяной зарей оттѣнить.

Пусть волны смѣняются новой волной,
Я знаю, что будетъ чередъ и за мной.
И въ смѣхѣ, и въ страхѣ есть очередь мнѣ,
Кружитесь, смѣшинки, въ мерцающемъ снѣ.

СКРИПКА.

Скрипку слушалъ я вчера.
О, какъ звонко трепетала,
Человѣчески рыдала
Эта тонкая игра.

Въ наростающемъ ручьѣ,
Убѣдительномъ, разливномъ,
Такъ мучительно-призывномъ,
Духъ подобенъ былъ змѣѣ.

Брилліантовой змѣей
Развернулъ свои онъ звенья,
Вовлекалъ въ свои мученья,
И владѣлъ моей душой.

И пока онъ пѣлъ и пѣлъ,
Увидалъ я, лунно-сонный,
Какъ двойникъ мой озаренный
Отошелъ въ иной предѣлъ.

Былъ онъ въ морѣ бѣлыхъ розъ,
Съ кѣмъ-то бѣлымъ тамъ встрѣчался,
Съ яркимъ звукомъ оборвался,
И вернулся въ брызгахъ слезъ.

МЫСЛИ СЕРДЦА.

Ужь я золото хороню, хороню.
ПѢСНЯ ИГОРНАЯ.

Золото лучистое я въ сказку хороню,
Серебро сквозистое пріобщаю къ дню.

Золото досталось мнѣ отъ Солнца, съ вышины,
Серебро — отъ матовой молодой Луны.

Пѣснь моя — разливная, цвѣтутъ кругомъ луга,
Сказку-пѣснь убралъ я всю въ скатны жемчуга.

Жемчугъ тотъ — изъ частыхъ звѣздъ, звѣздъ и слезъ людскихъ,
Мысли сердца — берега, сердце — звонкій стихъ.

ВЗВОДЕНЬ.

Взводень, бурное волненье,
Бѣломорскій вѣтеръ всталъ,
Волны взвелъ, затѣялъ пѣнье,
Загудѣлъ, зарокоталъ.

И волну на морѣ Бѣломъ
Въ валъ косматый превратилъ,
Въ торжествѣ освирѣпѣломъ
Взводитъ стаю водныхъ силъ.

Строитъ городъ многостѣнный,
Въ каждой каплѣ быстрый глазъ,
Взводень всталъ — и съ шумомъ, пѣнный,
Своды рушилъ, веселясь.

ХМѢЛЬ.

Я рѣшилъ своимъ весельемъ
Разрушать чужую грусть.
Вы, объятые похмѣльемъ,
Я васъ знаю наизусть.

Ваши дѣды были пьяны
Властнымъ хмѣлемъ смѣлыхъ грезъ,
Знали сказочныя страны,
Счастье имъ не разъ зажглось.

Счастье имъ всегда свѣтило,
Не гнела ихъ мысли мгла,
Оттого, что въ сердцѣ сила
Не подавлена была.

Вы же, въ хмѣлѣ видя зелье,
Видя въ грезахъ только ядъ,
Скучнымъ обликомъ похмѣлья
Заслонили вешній садъ.

Садъ смѣялся вамъ цвѣтами,
Здѣсь мы каждый мигъ въ саду,
Но кошмаръ владѣетъ вами,
Въ утомительномъ бреду.

Вы замкнули сердце въ клѣткѣ,
И дивитесь — нѣтъ цвѣтовъ,
Листъ сухой на мертвой вѣткѣ —
Символъ пасмурныхъ умовъ.

Мнѣ-то что! Я хмѣль веселый.
Мнѣ-то что! Я вьюсь и вьюсь.
Вкругъ меня мелькаютъ пчелы,
Съ каждой сокомъ я дѣлюсь.

Зыбко свѣтятъ крылья-краски
Мотыльковъ и пестрыхъ мухъ,
Нѣжный вѣтеръ шепчетъ сказки,
Пѣсней ласки входитъ въ слухъ.

Эй вы, хмурые, идите,
Ужь и васъ развеселю,
Хмѣль прядетъ цвѣтныя нити,
Всѣхъ пьяню я, все люблю.

ЦАРЬ — ЦАРЮ.

Царь царю послалъ подарокъ,
И сказалъ черезъ посла:
Край твой дальній пышно-жарокъ,
Мощь твоя свѣтла.

Я же — Сѣвернаго края
Бранно-льдяный властелинъ.
Буду — данникъ, только зная
Свѣтъ снѣговъ и льдинъ.

Даръ его былъ мѣхъ богатый,
Бѣлый царскій горностай,
Три копья, и шлемъ крылатый,
Брату, въ Южный край.

Счастливъ былъ властитель Южный
Слышать слово, видѣть даръ.
Въ ожерелье, въ кругъ жемчужный
Вдѣлалъ символъ чаръ.

Круговой изломъ рубина
Вдѣлалъ въ жемчугъ круговой: —
Два насъ, въ мірѣ, властелина,
Двое мы съ тобой.

Отослалъ онъ, благодарный,
Ожерелье въ царство льдовъ,
Въ дивный край Луны полярной,
Царственныхъ снѣговъ.

И свершилося съ царями
Чарованье силъ иныхъ.
Южный край покрылся льдами,
Говоръ въ немъ затихъ.

Словно копья — льдовъ изломы,
Южный край воздушно-нѣмъ.
Стынутъ царскія хоромы,
Свѣтитъ царскій шлемъ.

Между тѣмъ, какъ камень красный,
Всталъ на Сѣверѣ закатъ,
Весь — живой, цвѣточно-страстный,
Всталъ, какъ пышный садъ.

И подъ облакомъ жемчужнымъ
Стынетъ тамъ другой одинъ,
Духъ полярный съ сердцемъ Южнымъ,
Царь свѣтящихъ льдинъ.

СТИХЪ ВѢНЧАЛЬНЫЙ.

Я съ Мечтою обручился и вѣнчальный стихъ пою,
Звѣзды ясныя, сойдите въ чашу брачную мою.

Сладко грезѣ свѣтлой спится далеко отъ тьмы земной,
Тамъ, гдѣ звѣздный кустъ огнится многоцвѣтной пеленой.

Кустъ восходитъ, возрастаетъ, обнимаетъ всѣ міры,
Драгоцѣнности рождаетъ нескончаемой игры.

Жаръ-цвѣты и цвѣтъ-узоры смотрятъ внизъ съ вѣтвей куста,
Свѣтомъ помыслы одѣты, въ звѣздныхъ ризахъ Красота.

Бриллiантовою пылью осыпается жаръ-цвѣтъ,
Манитъ душу къ изобилью сказка огненныхъ примѣтъ.

Искры, жгите, вейтесь, нити, плющъ, змѣись по Бытію,
Звѣзды ясныя, сойдите въ чашу брачную мою.

ЦВѢТНАЯ ПЕРЕВЯЗЬ.

Мы недаромъ повстрѣчались въ грозовую ночь,
И дождались, чтобы сумракъ удалился прочь.
Мы сумѣемъ, какъ сумѣли, быть всегда вдвоемъ,
И въ разлукѣ будемъ вмѣстѣ въ яркомъ снѣ своемъ.

Мы сплетемъ, одинъ къ другому, серебристый мостъ,
Мы отъ Запада къ Востоку бросимъ брызги звѣздъ.
Мы надъ Моремъ, полнымъ темныхъ вражескихъ чудесъ,
Перебросимъ семицвѣтно радугу Небесъ.

Мы расцвѣтшими цвѣтами поглядимъ въ лазурь,
И лазурь дохнетъ отвѣтно дуновеньемъ бурь.
Мы красиво уберемся въ брилліанты грозъ,
Хороши цвѣтные камни въ темнотѣ волосъ.

БЛЕСТЯЩІЯ МУХИ.

Сколько блестящихъ мухъ
Въ нашемъ зеленомъ саду!
Радость — Весна. Я счастливый иду.
Повсюду медвяно-жасминный духъ.

Лучше что есть ли, чѣмъ цвѣтъ?
Есть ли что лучше, чѣмъ травы?
Травы — въ цвѣту! Знаю, бѣсы лукавы,
Но, при лукавствѣ, въ Аду — этого счастія нѣтъ.

МОЙ ДОМЪ.

Я себѣ построилъ домъ посреди дубравы.
Посадилъ вокругъ него шелковыя травы.
И серебрянымъ его окружилъ я тыномъ.
И живу теперь я въ немъ полнымъ властелиномъ.

Въ этомъ домѣ — терема, не одинъ, четыре.
Въ этомъ домѣ свѣтъ и тьма радостнѣй, чѣмъ въ мірѣ.
Свѣтитъ солнце съ потолка, за день не сгораетъ.
Мѣсяцъ съ звѣздами въ ночахъ серебромъ играетъ.

И когда я изъ окна брошу взоръ къ пустынямъ,
Въ небѣ свѣтится Луна, Солнце въ морѣ синемъ.
Свѣтятъ міру, но порой трауръ ткутъ имъ тучи.
А въ моемъ дому они безъ конца горючи.

И ворота у меня безъ замковъ желѣзныхъ,
Но закрыты, какъ врата областей надзвѣздныхъ.
Лѣто, Осень, и Зима, съ нѣжною Весною,
Говорятъ душѣ: „Люби. Хорошо со мною“.

Лѣто, Осень, и Зима смотрятся въ оконца,
Безъ конца поетъ Весна, что хмѣльное Солнце.
Нѣжно, шелково шуршатъ шепчущія травы.
Хорошо построить домъ въ тишинѣ дубравы.

ТРАВА-ХВАЛИХА.

Трава-хвалиха взрощена пустыней,
Четыре цвѣта есть на ней,
Багряно-красный цвѣтъ, зеленый, черный, синій,
Четыре пламени огней.

Сорви ее, какъ будешь чистъ душою,
Четверократно ты поймешь,
Что можно, какъ своей, жить радостью чужою,
И правду расцвѣтить, какъ ложь.

Хвалить восторгъ, и восхвалить усталость,
За яркимъ раемъ жаркій адъ,
Понять, что въ бархатъ тьмы красиво входитъ алость,
Что Небо и Земля — горятъ.

СЕМИЦВѢТНЫЙ МОСТЪ.

Расцвѣла на дальнемъ небѣ Радуга-цвѣтокъ.
Семицвѣтный мостъ оперся о земной потокъ.

Красный, желтый, и зеленый, разные цвѣта.
Фіолетовый, и синій, углится мечта.

Только углится не мракомъ, золотымъ огнемъ.
Каждой краскѣ повелѣла быть въ недѣлѣ днемъ.

Макъ и розы въ понедѣльникъ, а во вторникъ ленъ.
Въ среду лютикъ, всю недѣлю разноцвѣтный сонъ.

Въ воскресенье полноцвѣтность всѣхъ семи цвѣтовъ,
Чтобы поясъ для недѣли былъ сполна готовъ.

Чтобъ одна къ другой недѣля яркая пошла,
Чтобы, съ мѣсяцемъ вѣнчаясь, вся была свѣтла.

Чтобы мѣсяцы, женившись на недѣляхъ тѣхъ,
Самоцвѣтными камнями разсыпали смѣхъ.

Чтобъ, собравшись какъ двѣнадцать, спѣлъ ихъ хороводъ:
„Полночь Года! Съ Новымъ Счастьемъ! Новый Годъ
идетъ!“

БѢЛАЯ ПАННА.

Бѣлая панна гуляла по Небу, сѣяла тамъ маргаритки,
Свѣтлыя тучки кругомъ завивались въ длинные бѣлые
свитки.

Бѣлая панна протяжнымъ напѣвомъ вызвала гроздья
сирени,
Бѣлой сирени вкругъ бѣлыхъ балконовъ, въ замкѣ, гдѣ
бѣлы ступени.

Вишенье млѣло, цвѣты осыпались, новые нѣжно блестѣли,
Бѣлыя сосны высоко вздымались, бѣлыя, пышныя ели.

Заячьимъ пухомъ убрались дорожки сада и частаго бора,
Заячьи уши мелькали межь вѣтокъ, въ матовыхъ сцѣпкахъ
узора.

Лебеди стаей сбирались, кружились, бѣлымъ сіяньемъ
свѣтили,
Съ Бѣлою панной играли, рѣзвились, лили ей отсвѣты
крылій.

Бѣлая панна взяла одуванчикъ, всѣ разлетѣлись пушинки,
Дѣти земныя окутались въ иней, звѣздно плясали
снѣжинки.

СОЛНЦЕ.

Солнце — всемірное пламя,
Окно небесныхъ пировъ,
Круговое желтое знамя,
Надъ битвой и пляской міровъ.

Солнце — яркая чаша,
Зеркало дружныхъ свѣтилъ,
Радость и молодость наша,
Зелень стеблей изъ могилъ.

Солнце — кружащійся геній,
Учащій ликомъ своимъ,
Пьяность звѣрей и растеній,
Рдяность и пьяность сквозь дымъ.

СЪ ВЫСОКОЙ БАШНИ.

Съ высокой башни
На міръ гляжу я.
Съ желѣзной башни
За нимъ слѣжу я.
Несется Вѣтеръ,
Несется Вѣтеръ,
Несется Вѣтеръ,
Кругомъ бушуя.

Что мигъ текущій,
Что день вчерашній,
Что вихрь бѣгущій,
Какъ звѣрь, надъ пашней.
Бѣгущій мимо,
Неуловимо,
Какъ гроздья дыма,
Вкругъ стройной башни.

На міръ всегдашній
Свѣтло гляжу я.
Съ высокой башни
За нимъ слѣжу я.
И злится Вѣтеръ,
Кружится Вѣтеръ,
И мчится Вѣтеръ,
Кругомъ бушуя.

ВЪ ЯРКИХЪ БРЫЗГАХЪ.

То, въ чемъ страхъ для васъ,
    Вѣчно-близко мнѣ.
Я — Змѣиный Глазъ,
    Я горю въ Огнѣ.

Я — Перистый Змѣй,
    Изумрудный сонъ,
Я — Волшебный Фей,
    Мнѣ мой смѣхъ — законъ.

Захочу чего, —
    Вотъ оно ужь тутъ,
Вотъ я мчу его,
    На крылахъ минутъ.

На огнѣ минутъ,
    Въ брызгахъ яркихъ словъ,
Хорошо цвѣтутъ
    Опьяненья сновъ.

ЗЕЛЕНЫЕ СВЯТКИ

ЗЕЛЕНЫЕ СВЯТКИ.

Уйдемте подъ тѣнь, —
О, панны! О, панны! — и будемъ играть въ поцѣлуйные прятки.
У Поляковъ Троицынъ день
Зовется Зеленые Святки.
Уйдемте подъ свѣжую тѣнь, поцѣлуи подъ тѣнью такъ сладки.

О, лѣсъ, ты насъ тайной одѣнь!
За вѣтками вѣтки, прогалины, глуби, лѣсныя загадки.
То, панны, вашъ день,
Не бѣлее, нѣтъ, изумрудные Святки.
Уйдемте въ мгновеньяхъ подъ вѣчную тѣнь, поцѣлуи подъ тѣнью такъ сладки.

ПЕРВОВѢСТЬ.

Ты помнишь, въ нѣжной ясности,
Равнины, въ ихъ безгласности,
И весь сквозистый лѣсъ,
Тоскующій, и чующій,
Что вотъ, тепломъ чарующій,
Ужь близокъ часъ чудесъ.

Все было въ ожиданіи,
И въ утреннемъ мечтаніи,
И пахло такъ землей,
Еще вчера оснѣженной,
Сегодня же разнѣженной
Фіалковой мечтой.

НА ГРАНИ.

Блаженно, ставъ на грань предѣла,
Не жаждать больше ничего.
Ты такъ красиво опьянѣла
Отъ приближенья моего.

Сейчасъ послѣдняя завѣса
Совсѣмъ растаетъ между насъ.
О, какъ красиво въ храмѣ лѣса,
Неповторяемости часъ!

СВѢТЛОЕ — ТЕМНОЕ.

Свѣтлое платье на темной подкладкѣ
Было надѣто на ней.
Сталъ я играть съ ней въ загадки и въ прятки,
Между расцвѣтами дней.

Сталъ я играть съ ней подъ куполомъ Ночи,
Звѣзды слагались въ цвѣты.
Бездна возникла живыхъ средоточій,
Яркихъ среди черноты.

Сказки слагались, и страшны, и сладки,
Съ каждой минутой страшнѣй.
Бѣлое платье на темной подкладкѣ
Было такъ тѣсно на ней.

ТРИ МОЛОТА.

Несетъ кузнецъ три молота.
святочная пѣсня.

Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Ты скуй мнѣ вѣнецъ золотой,
Чтобъ жизнь мнѣ свѣтила по самый конецъ,
И была бы всегда молодой.

Изъ остатковъ, кузнецъ, скуй мнѣ перстень златъ,
Скуй мнѣ перстень златъ поскорѣй,
Чтобы, къ счастью пойдя, не пришелъ я назадъ,
Къ пустырямъ тѣхъ изношенныхъ дней.

Изъ обрѣзковъ ты скуй золотую иглу,
Золотую иглу ты мнѣ скуй,
Чтобы вышилъ я въ ткани мірской, тамъ въ углу,
Вѣкъ горящій, одинъ поцѣлуй.

ЛАДА.

Ко мнѣ пришла
Богиня Лада.
Нѣжна, свѣтла,
Она была,
Какъ предразсвѣтная прохлада.

Я цѣловалъ,
Твердя: „О, Лада!“
Я ей давалъ
Любви фіалъ,
Она шепнула мнѣ: „Не надо!“

Но день алѣлъ,
Какъ розы сада.
И сталъ я смѣлъ,
Любилъ, горѣлъ,
И стала розовою Лада.

И понялъ я,
Чтб есть услада.
„Моя! Моя!“
„ — О, ты змѣя!“
Шепнула мнѣ, слабѣя, Лада.

ПРАЗДНИКЪ ВЕРБЫ.

Уже распались куколки,
    Ихъ бабочки прожгли.
Пушистыя распуколки
    На вербахъ зацвѣли.

Предъ Вербнымъ воскресеніемъ,
    Всѣхъ тѣхъ, кто молодой,
Съ усмѣшками, и съ пѣніемъ,
    Обрызгали водой.

Водою обливали ихъ:
    Пусть будетъ свѣжей грудь.
И вербой ударяли ихъ:
    Какъ верба нѣжнымъ будь.

Втыкали вербу малую
    За образа, въ углахъ,
Чтобъ силой смертно-алою
    Не всталъ пожаръ въ домахъ.

Свѣти намъ, радость здѣшняя,
    Цвѣты, земля, вода.
Цвѣти намъ, верба вешняя,
    Цвѣти съ Весной всегда.

ЛЮБЪ-ТРАВА.

На что-жь тебѣ любъ-трава?
— Чтобы дѣвушки любили.
НАРОДНАЯ ПѢСНЯ.

На опушкѣ, вдоль межи,
Ты, душа, поворожи.
Лѣсъ и поле осмотри,
Три цвѣтка скорѣй бери.

Завязавши три узла,
Вижу я: Заря — свѣтла.
И срываю я цвѣтокъ,
Первый, синій василекъ.

И тая въ душѣ завѣтъ,
Я срываю маковъ цвѣтъ.
И твердя любви слова,
Вижу третій: любъ-трава.

Вижу, вижу, и зову: —
Сердце, рви же любъ-траву.
Но душа едва жива:
Опьянила любъ-трава.

Всѣ цвѣты я рвалъ, спѣша,
И смѣла была душа.
Только тутъ минуту длю:—
Слишкомъ любъ-траву люблю.

Какъ сорвалъ я василекъ,
Было просто невдомекъ.
И не спрашивалъ я, нѣтъ,
Какъ сорвать мнѣ маковъ цвѣтъ.

А ужь эту любъ-траву
Какъ же, какъ же я сорву?
Сердце, знакъ! Отдай скорѣй
Любъ-траву — любви моей!

ВОЗДУШНОСТЬ.

Воздушность. Нѣсколько цвѣтковъ,
Знакомыхъ, полевыхъ,
Изъ тайныхъ, въ сердцѣ, родниковъ
На волю манятъ стихъ.

Цвѣтокъ склоняется къ цвѣтку,
И стебель къ травкѣ льнетъ.
— Куда тебя я завлеку? —
Цвѣтокъ цвѣтку поетъ.

О, сердце, только ты поймешь
Безмолвный разговоръ.
Куда меня ты увлечешь?
Въ неволю? На просторъ?

ЛѢТНІЙ СНѢГЪ.

Послала меня, послала любезная свекровь
За зимнею весной, за лѣтнимъ снѣгомъ.
литовская пѣсня.

Послалъ меня, отправилъ причудникъ-чародѣй,
Онъ задалъ мнѣ задачу, чтобъ мнѣ погибнуть съ ней

— Ступай, сказалъ волшебникъ, за зимнею весной,
Еще за лѣтнимъ снѣгомъ — не то бѣда со мной.—

Смущенная, пошла я, куда глаза глядятъ,
И, чу, запѣли птицы, и травы шелестятъ.

— Иди на берегъ Моря, иди въ зеленый лѣсъ,
Они научатъ душу наукою чудесъ.

Въ лѣсу увидишь въ вешнемъ зеленую сосну,
На лѣтнемъ Морѣ вѣщемъ вспѣненную волну.

Сломивши вѣтку хвои, ты зачерпни рукой
Пригоршню снѣжной пѣны, снѣжистости морской. —

Какъ птицы мнѣ пропѣли, какъ молвили цвѣты,
Я сдѣлала, вернулась. Ну, гдѣ, волшебникъ, ты?

Ты дѣвушку встревожилъ, но побѣжденъ ты мной,
Я — здѣсь, я — съ лѣтнимъ снѣгомъ и съ зимнею весной.

КРАСНАЯ ГОРКА.

Красная Горка. Парни и дѣвицы
Другъ друга обливаютъ водою ключевой.
Липки березки. Хмѣльныя въ небѣ птицы.
Звонъ разливается влагою живой.

Красная Горка радостей Пасхальныхъ,
Брызги веселья и влажностей живыхъ,
Свѣтлыя встрѣчи взглядовъ обручальныхъ,
Съ Неба на Землю — въ лучахъ идущій стихъ.

Красная горка, таинство мгновеній,
Праздникъ причастья Солнца и Воды,
Розовымъ цвѣтомъ утро обновленій
Празднуетъ силу смарагдовой Звѣзды.

ЖЕМЧУЖИНѢ.

Жемчужное видѣнье,
Избранница мечты,
Ты примешь пѣснопѣнье,
Возьмешь мои цвѣты?

Въ нихъ нѣтъ гвоздикъ тревожныхъ,
Въ нихъ нѣтъ пьянящихъ розъ,
Моленій невозможныхъ,
Въ словахъ укрытыхъ слезъ.

Тебѣ лишь тонкій свитокъ,
Тебѣ, моей красѣ,
Весеннихъ маргаритокъ,
И ландышей въ росѣ.

Въ нихъ тоже опьяненье,
И въ нихъ влюбленность есть.
Жемчужное видѣнье,
Путей любви не счесть.

Но, если сонъ твой станутъ
Пьянить мои цвѣты,
Ихъ вздохи не обманутъ, —
Скажи, вѣдь вѣришь ты?

ЦАРЕВНА-НЕДОТРОГА.

Царевна-Недотрога,
Скажите, ради Бога,
Чѣмъ такъ я вамъ не любъ?
Зачѣмъ себя гнѣвите,
Зачѣмъ вы такъ кривите
Кораллы нѣжныхъ губъ?

Царевна-Недотрога,
Трудна была дорога,
Я все-жь ее прошелъ,
И кустъ былъ весь тернистый,
Когда съ зарею мглистой
Шиповникъ вашъ расцвѣлъ.

Царевна-Недотрога,
У Змѣя у Зловрога
Весьма былъ лютый взглядъ.
Я все же изловчился,
Съ побѣдой воротился,
Съ цвѣткомъ пришелъ назадъ.

Царевна-Недотрога,
Скажите-жь, ради Бога,
Когда я буду любъ?
Иль вновь — шиповникъ острый,
Вновь — Змѣй, и злой, и пестрый,
Передъ коралломъ губъ?

РОСА.

ЗАГАДКА.

Заря - заряница,
Красная дѣвица,
Къ церкви ходила,
Ключи обронила,
Мѣсяцъ увидѣлъ,
Солнце скрало.

Заря - заряница,
Красная дѣвица,
Къ людямъ ходила,
Алмазъ уронила,
Умъ засмѣялся,
Сердце рыдало.

Заря - заряница,
Красная дѣвица,
Умъ разлюбила,
Сердце озарила,
Сердце и свѣтится,
Бьется такъ ало.

ОНЪ МНѢ СНИЛСЯ.

Онъ мнѣ снился призракомъ долгіе года,
Я ждала избранника, я ждала всегда.
Я не видя помнила, вѣрила въ него,
Не могла не слушаться сердца моего.

Свѣтлая, холодная, думала всегда,
Какъ о Солнцѣ думаетъ подо льдомъ вода.
Онъ смутилъ мнѣ дѣвичьи тающіе сны,
Онъ дышалъ мнѣ воздухомъ лѣта и весны.

И пришелъ невѣдомый, близко сталъ ко мнѣ,
Я была какъ облачко въ солнечномъ огнѣ.
Онъ взглянулъ такъ пристально, онъ вздохнулъ едва,
Говорилъ мнѣ ласково стыдныя слова.

Я не видя помнила, свѣтлаго, его,
И душа не вспомнила больше ничего.
Чѣмъ при немъ исполнилась вся душа моя,
Что онъ сдѣлалъ съ дѣвушкой — ахъ, не знаю я!

РОЗА-ШИПОВНИКЪ.

ЗАГАДКА.

Цвѣты ангельскіе,
Когти дьявольскіе,
Ужь не древо ли райское ты?
Древле данное намъ,
И отобранное,
Чтобъ намъ жаждать всегда Красоты?

Вѣрно, это и есть
Изъясненье того,
Что всѣ женщины любятъ тебя?
Цвѣты ангельскіе,
Когти дьявольскіе
Тянутъ къ намъ, насъ любя, насъ любя!

ЮНОЙ КУБАНКѢ.

Когда я близь тебя, мнѣ чудится Египетъ,
Вотъ ночи Африки звѣздятся въ вышинѣ.
Такъ предвѣщательно и такъ тревожно мнѣ,
    Фіалъ любви еще не выпитъ.

Еще касался я такъ мало черныхъ глазъ,
И ночь твоихъ волосъ я разметать не смѣю.
Я дамъ тебѣ вѣка, царица, будь моею,
    Смотри, Вселенная — для насъ!

ТЫ ДАЛЕКО.

Ты далеко, но говоришь со мной.
Въ чужихъ краяхъ, но мы съ тобою близки.
Такъ не сумѣетъ, въ часъ ночной,
Арабъ быть близкимъ къ одалискѣ.

Цвѣточный сонъ! Кто тамъ идетъ, спѣша?
Какая мысль меня сейчасъ волнуетъ!
Твоя освобожденная душа
Меня цѣлуетъ.

МУХА.

ЗАГАДКА.

Легко порхаетъ,
Сама не знаетъ,
Куда летитъ, зачѣмъ живетъ.
Звенитъ для слуха,
Всегда старуха,
Всегда ей первый для жизни годъ.

Легко порхаетъ,
Жужжитъ, не знаетъ,
Что такъ внималъ ей — Фараонъ.
И будетъ виться,
И такъ кружиться
На тризнѣ крайней всѣхъ, всѣхъ временъ.

СОЛНЕЧНИКЪ.

Іюнь, Іюль, и Августъ — три мѣсяца мои,
Я въ пьянственности Солнца, среди родной семьи.

Среди стеблей, деревьевъ, колосьевъ и цвѣтовъ,
Въ незнаніи полнѣйшемъ, что есть возможность льдовъ.

Въ прозрачности Апрѣля, влюбленный въ ласки Лель,
Для пѣсни сладкогласной измыслилъ я свирѣль.

Я съ Ладой забавлялся во весь цвѣтистый Май,
Къ Іюньскимъ изумрудамъ ушелъ — и спѣлъ: „Прощай".

И Лада затерялась, но долго межь вѣтвей
Кукушка куковала о нѣжности моей.

Но жалобы — въ возвратность вернутъ ли бѣглеца?
И жаворонки Солнца звенѣли безъ конца.

Заслушавшись ихъ пѣсенъ, Іюнь я промечталъ,
Очнулся лишь, замѣтивъ какой-то цвѣтикъ алъ.

Гляжу — ну, да, гвоздики Іюльскія цвѣтутъ,
Багряностью покрылся Іюньскій изумрудъ.

И межь колосьевъ желтыхъ зардѣлись огоньки,
То пламенные маки, и съ ними васильки.

Тепло такъ было, жарко, высокъ былъ небосводъ.
Ну, кто это сказалъ мнѣ, что есть на свѣтѣ ледъ?

Не можетъ быть, безумно, о, цвѣтики, зачѣмъ?
Въ цвѣтеньи и влюбленьи такъ лучезарно всѣмъ.

Цвѣтетъ Земля и Небо, поетъ Любовь, горя.
И я съ своей свирѣлью дождался Сентября.

Онъ золотомъ вѣнчаетъ, качаетъ онъ листы,
Качая, расцвѣчаетъ, баюкаетъ мечты.

И спать мнѣ захотѣлось, альковъ мой — небосклонъ,
Я тихо погружаюсь въ свой золотистый сонъ.

Какъ дѣвушки снимаютъ предъ сномъ цвѣтистость бусъ,
Я цвѣтиковъ касаюсь: „Я снова къ вамъ вернусь".

Іюнь, Іюль, и Августъ, я въ сладкомъ забытьи.
Прощайте — до Апрѣля — любимые мои.

ИСКРА.

Искры малой, но горящей
Ты не угашай: —
Можетъ, вспыхнетъ свѣтъ блестящій,
Разгорится цѣлый Рай.

Весь вѣдь Міръ нашъ созданъ, звѣздный,
Просто такъ, изъ Ничего.
Такъ смотри, не будь морозной,
Свѣтъ хорошъ, люби его.

КУПАЛЬНИЦЫ.

Кто былъ Иванъ Купала,
Я многихъ вопрошала,
Но люди знаютъ мало,
И какъ тому помочь.
Кто былъ онъ, мнѣ безвѣстно,
Но жилъ онъ здѣсь тѣлесно,
И если сердцу тѣсно,
Иди на волю, въ ночь.

О, въ полночь на Ивана
Купалу сердце пьяно,
Душѣ тутъ нѣтъ изъяна,
А прибыль красоты.
Живымъ въ ту ночь не спится,
И кладъ имъ золотится,
И папороть звѣздится,
Горятъ, змѣясь, цвѣты.

Мы дѣвушки съ глазами,
Горящими какъ въ храмѣ,
Мы съ жадными губами,
Съ волнистостью волосъ.
Дома покинувъ наши,
Въ лѣсу мы вдвое краше,
Цвѣты раскрыли чаши,
И сердце въ насъ зажглось.

По чащѣ мы блуждали,
Какъ дѣти, безъ печали,
Мы травы собирали,
И былъ душистъ ихъ рой.
Въ стихійномъ очищеньи,
И въ огненномъ крещеньи,
Пропѣли мы въ смущеньи
Напѣвъ завѣтный свой.

Ту пѣснь съ напѣвомъ пьянымъ
Припоминать нельзя намъ,
Да будетъ скрытъ туманомъ
Тотъ свѣтъ, что свѣтитъ разъ.
Но мы, какъ травы, знаемъ,
Чѣмъ умъ мы опьяняемъ,
И каждый бредитъ раемъ
При видѣ нашихъ глазъ.

ХВАЛИТЕ.

Хвалите, хвалите, хвалите, хвалите,
Безумно любите, хвалите Любовь,
Ты, сердце, сплети всепротяжныя нити,
Крути златоцвѣтность — и вновь,
Отъ сердца до сердца, до Моря, до Солнца, отъ Солнца
до мглы отдаленнѣйшихъ звѣздъ,
Сплетенья вліяній, воздушныя струны, протяжность
хораловъ, ритмическій мостъ,
Изъ точки — планеты, изъ искры — пожары,
Цвѣты и расцвѣты, отвѣтныя чары,
Круги за кругами, и снова, и вновь,
То выше, то ниже, качаясь, встрѣчаясь,
И то расходясь, то опять возвращаясь,
Свѣчась, расцвѣчаясь, поющая кровь
Всемірно проводитъ путистыя нити,
Хвалите же Вѣчность, любите, хвалите,
Хвалите, хвалите, хвалите Любовь.

ПРЕЛОМЛЕНІЕ

ПРЕЛОМЛЕНЬЕ ДНЯ.

Во мнѣ стихи поютъ — на преломленьи дня,
Когда блестящій Шаръ начнетъ къ морямъ спускаться.
Тогда стихи звучатъ, преслѣдуютъ меня,
Какъ пчелы лѣтнія, жужжатъ, звенятъ, роятся.

О, полнопѣвный рой! Сюда ко мнѣ, сюда!
Готово мѣсто вамъ, гирлянды строкъ крылатыхъ.
Уже зенитъ пройденъ, свѣтлѣй въ моряхъ вода,
Уже надмірный Дискъ скользитъ въ воздушныхъ скатахъ.

Вотъ новый улей вамъ, любовники цвѣтовъ,
Устройте соты здѣсь всѣмъ множествомъ безсоннымъ.
Чтобъ въ зимнихъ сумеркахъ, подъ дикій свистъ вѣтровъ,
Я усладиться могъ тѣмъ медомъ благовоннымъ.

ТЕРЕМЪ МІРА.

Каждый цвѣтокъ есть цвѣтистая планета,
Каждое растенье — зеленая звѣзда,
Въ горницахъ зимнихъ Весны няньчатъ Лѣто,
Горы — неземныя, хоть земные — города.

Тучи — узоры водныхъ размышленій,
Облачко — греза луннаго луча.
Теремъ намъ дивный далъ Вселенскій Геній,
Только отъ двери не далъ намъ ключа.

РОДНОЕ.

Аллеи рѣкъ. Зеркальности озеръ.
Хрустальный ключъ. Безгласные затоны.
Живая сказка, страшный темный боръ.
Его вершинъ немолкнущіе звоны.

Воздушность ивъ. Цвѣты родныхъ полей.
Апрѣльскій сонъ съ его улыбкой Маю.
Я цѣлый міръ прошелъ въ мельканьи дней,
Но лучше васъ я ничего не знаю.

БЫЛО, — БУДЕТЪ.

1.

У Осени въ саду, по золотымъ аллеямъ,
Мечтая, я бродилъ, въ сіяньи Сентября.
Я видѣлъ призраки, подобные камеямъ,
На нихъ свѣтила мнѣ вечерняя заря.

Они мнѣ нравились, ихъ четкій профиль, взоры,
Гармонія всѣхъ чертъ, спокойствіе мечты.
И къ нимъ такъ стройно шли всѣ краски, всѣ узоры,
Въ воздушность кружева сплетенные листы.

Но счастья не было. Была одна умильность.
Красиво, но на всемъ безстрастія печать.
У Осени въ саду — зеркальная могильность.
И стали шопоты мнѣ душу вопрошать.

„Когда ты счастливъ былъ?“ шепнулъ мнѣ листъ, спадая.
„Когда ты счастливъ былъ?“ спросила Тишина.
„Иди за мной! За мной!“ шепнула, улетая,
Видѣньемъ бывшая и въ Осени, Весна.

„Я счастливъ былъ, когда ты былъ слегка зеленымъ“,
Промолвилъ я листу. И молвилъ Тишинѣ: —
„Я счастливъ былъ, когда скользилъ по свѣтлымъ склонамъ
„Моихъ безумствъ. Прощай!“ И я ушелъ къ Веснѣ.

2.

„Былъ ли счастливъ ты когда?“
Забурливъ, заговорила
Мнѣ разливная вода.
„Былъ ли счастливъ ты когда?“
„Было, было, было, было“.

Прожурчали мнѣ ручьи: —
„Жилъ ли ты когда, ликуя?“
„ — Посмотри въ глаза мои.
„Знаю, знаю, въ забытьи,
„Знаю сладость поцѣлуя“.

Все шепнуло мнѣ смѣясь: —
„Будетъ снова, если было.
„Не обманывай лишь насъ“.
И вскричалъ я: „Въ добрый часъ“.
„Было, было, было, было“.

ДРАМЫ МІРА.

Всѣ драмы міра — на любви,
    Или съ любовью слиты.
Всѣхъ скальдовъ міра позови,
И скажутъ: — Пѣснь живетъ въ крови,
    Въ сердцахъ, что страстью взрыты. —

И если нѣжно я пою,
    Мой другъ, не вѣруй чуду.
Я просто въ строки алость лью,
Мой другъ, чужую и свою: —
    Я скальдъ, и скальдомъ буду.

ГОРОДЪ.

Сколько въ Городѣ дверей, — вы подумали объ этомъ?
Сколько оконъ въ высотѣ по ночамъ змѣится свѣтомъ!
Сколько зданій есть иныхъ, тяжкихъ, мрачныхъ,
непреклонныхъ,
Однодверчатыхъ громадъ, ослѣпленно-безоконныхъ.
Склады множества вещей, въ жизни будто бы полезныхъ.
Убіеніе души — ликомъ стѣнъ, преградъ желѣзныхъ.
Удавленіе сердецъ — наклоненными надъ нами
Натѣсненьями камней, этажами, этажами.
Семиярусность гробовъ, Ты проходишь коридоромъ.
Предъ враждебностью дверей ты скользишь смущеннымъ
воромъ.
Потому что ты одинъ. Потому что камни дышутъ.
А задверныя сердца каменѣютъ и не слышутъ.
Повернется въ дыркѣ ключъ — постучи — увидишь ясно,
Какъ способно быть лицо безподходно-безучастно.
Ты послушай, какъ шаги засмѣялись въ коридорѣ.
Здѣсь живые — сапоги, и безжизненность — во взорѣ.
Замыкайся ужь и ты, и дыши дыханьемъ Дома.
Будетъ впредь и для тебя тайна комнаты знакома.
Стѣны лѣтопись ведутъ, и о петляхъ повѣствуютъ.
Окна — дьяволовъ глаза. Окна ночи ждутъ. Колдуютъ.

У МОРЯ.

Мы зависимъ отъ дней и ночей,
Отъ вещей, отъ людей, и погоды.
Мы въ разлукѣ съ душою своей,
Съ ней не видимся долгіе годы.
Мы бряцаемъ металломъ цѣпей,
Мы заходимъ подъ темные своды.
Мы изъ цѣлой Природы, изъ всей,
Взяли рабство, не взявши свободы.

Но приди лишь на влажный песокъ,
Освѣженный морскими волнами.
Посмотри, какъ просторъ здѣсь широкъ,
Какъ бездонно здѣсь Небо надъ нами.
Лишь услышь, чуть подслушай намекъ,
Набаюканный сердцу морями, —
Ты какъ духъ, ты окончилъ свой срокъ,
Ты какъ духъ надъ безбрежными снами.

Въ многопѣвности сказокъ морскихъ,
Въ безтѣлесности призрачной Влаги,
Гдѣ исподъ изначальностей тихъ,
Ни для чьей не доступенъ отваги, —
Въ отрѣшеньи отъ шумовъ людскихъ,
Какъ мы смѣлы здѣсь, вольны, и наги.
Ты здѣсь первый несозданный стихъ,
Изъ еще неразсказаной саги.

МОРСКОЕ.

Глыбы отдѣльныя скалъ, округленныя ласкою волнъ.
Влажность, на мигъ, голышей отъ волны, каждый мигъ
набѣгающей.
Утлый, забытый, разбитый, но все не распавшійся челнъ.
Бѣлыя чайки на гребнѣ, надъ зыбью, тѣхъ чаекъ
качающей.

Свѣтлыя дали воды, уводящія въ сказочность взоръ.
Волны, идущія къ намъ, но какъ будто бы насъ уносящія.
Шелесты, шорохъ песковъ, кругозорный, безмѣрный
просторъ.
Зовы, узывы, напѣвы, пьянящіе, странно манящіе.

ПТИЦЫ.

Я сейчасъ летаю низко надъ землей,
Духъ заботъ вседневныхъ виснетъ надо мной.

Можно ль быть свободнымъ огненнымъ орломъ,
Если ты притянутъ этимъ тусклымъ днемъ?

Можно ль альбатросомъ вѣдать ширь морей,
Если ты окованъ тѣсностью своей?

Можно, о, возможно кондоромъ летать,
Если отрѣшенно будешь ты мечтать.

Можно, быть возможно птицею Стратимъ,
Разъ ты въ высшихъ числахъ, съ Солнцемъ, только съ нимъ.

ПУТЬ.

Какой же путь, какой же путь
Еще найти ты сможешь?
Быть можетъ, есть онъ гдѣ-нибудь?
И какъ сумѣешь ты вздохнуть,
И какъ себѣ поможешь?

Въ концѣ концовъ — лишь путь цвѣтка,
Лишь путь ребенка, птицы,
Межь травъ полночныхъ — свѣтляка,
Свирѣльныхъ струй издалека,
Узорчатой зарницы.

СЧАСТЛИВЪ...

I ten szczęsliwy, kto padł wśród zawodu...
AD. MICKIEWICZ.

Счастливъ, кто въ бѣгѣ упалъ,
Въ бѣгѣ до цѣли.
Такъ бѣлою пѣной увѣнчанный валъ
Разсыпается въ радостномъ хмѣлѣ.
Счастливъ, кто счастье узналъ устремленія къ цѣли.

Валъ разбѣжался, хмѣльной,
Кружевомъ бѣлымъ.
Прекрасенъ, кто къ жизни рожденъ глубиной,
И къ безвѣстнымъ стремится предѣламъ.
Счастливъ, кто счастье узналъ быть въ стремленіи смѣломъ.

МОРСКІЯ РОЗЫ.

Морскія розы — розы бѣлыя,
Онѣ цвѣтутъ во время бурь,
Когда валы освирѣпѣлые
Морскую мучаютъ лазурь.

И бьютъ ее, взметаютъ съ грохотомъ,
И возмущаютъ ревомъ грозъ,
И возрощаютъ съ мертвымъ хохотомъ
Мгновенность пышныхъ бѣлыхъ розъ.

ПТИЦА МЕСТИ.

Если ты врага имѣешь,
Разъ захочешь, такъ убей,
Если можешь, если смѣешь.
Угоди душѣ своей.
Но замѣть, что въ крови красной —
Волхвованье: изъ нея,
Только брызнетъ, духъ неясный
Воскрылится — птицей — властной
Измѣнить въ тебѣ — твое.

Эта птица, вкругъ могилы
Умерщвленнаго врага,
Будетъ виться, станешь хилый,
Жизнь не будетъ дорога.
Трупъ сокроютъ, трупъ схоронятъ,
Птица будетъ пѣть и пѣть,
Крикъ ея въ тебѣ застонетъ,
Ты пойдешь, она нагонитъ,
Месть заставитъ — умереть.

ЛИТОВСКАЯ ПѢСНЯ.

Пой, сестра, ну, пой, сестрица.
Почему жь ты не поешь?
Раньше ты была какъ птица.
— То, что было, не тревожь.

Какъ мнѣ пѣть? Какъ быть веселой?
Въ маломъ садикѣ бѣда,
Съ корнемъ вырванъ кустъ тяжелый,
Розъ не будетъ никогда. —

То не вѣтеръ ли повѣялъ?
Не Перкунъ ли прогремѣлъ? —
— Вѣтеръ? Нѣтъ, онъ легкимъ рѣялъ.
Богъ Перкунъ? Онъ добръ, хоть смѣлъ.

Это люди, люди съ Моря
Растоптали садикъ мой.
Міръ дѣвическій позоря,
Межь цвѣтовъ прошли чумой.

Разорили, исказнили
Алый цвѣтъ и бѣлый цвѣтъ.
Было много розъ и лилій,
Много было, больше нѣтъ.

Я сама, какъ ночь съ ночами,
Съ вѣчнымъ трепетомъ души,
Еле скрылась подъ вѣтвями
Ивы, плачущей въ тиши.

ЗАРЯ.

Королева Каралуни,
Надъ полянами Литвы,
Плачетъ въ мѣсяцѣ Іюнѣ,
Плачетъ съ ней листокъ травы.

А въ предѣлахъ Норги Фрея,
Плачетъ, глянувъ на утесъ,
И болотная лилея
Слѣдъ хранитъ златистыхъ слезъ.

И по всѣмъ-то странамъ разно
Плачетъ нѣжная Заря,
То жемчужно, то алмазно,
То въ сіяньяхъ янтаря.

То на быстромъ Свѣтлогривомъ,
Приносящемъ день, конѣ,
Пролетитъ она по нивамъ,
И дрожитъ слеза въ огнѣ.

А порою эта грива
Вся отъ инея бѣла,
Поглядишь — и какъ красиво,
Вонъ, роса вездѣ легла.

Отчего же это плачетъ
При началѣ дня Заря?
Конь ея зачѣмъ такъ скачетъ?
Это все ужели зря?

Я не знаю. Полагаю,
Тутъ ничѣмъ нельзя помочь.
Ибо Адъ приверженъ къ Раю,
И за Днемъ приходитъ Ночь.

ЖАЛОБА КЪ ЦВѢТКУ.

Цвѣтокъ, цвѣтокъ, ты весь — глазокъ,
Ты весь — красивый глазъ.
А мы глядимъ и вѣчно спимъ,
И видитъ ли кто насъ?

Цвѣтокъ, цвѣтокъ, ты весь — есть слухъ,
Ты весь — любовь, уста,
Ты — нѣжность губъ, ты — мысль, ты — духъ.
А намъ — лишь темнота?

Цвѣтокъ въ росѣ, ты — нѣжный глазъ,
Твою росу мы пьемъ.
А нашихъ глазъ нѣмой алмазъ
Сберетъ ли кто потомъ?

ВЛЮБЛЕННОСТЬ.

Кто влюбленъ, тотъ очарованъ,
Зачарованъ, опьяненъ,
Онъ не дѣвой заколдованъ,
Нѣтъ, не той, въ кого влюбленъ.
Онъ плѣненъ не той желанной,
Чьимъ губамъ пьянить дано,
Не доступной, не обманной
Сердце съ сердцемъ сплетено.

Мы приходимъ, мы уходимъ,
Говоримъ, и молча ждемъ,
Мы на Землю Небо сводимъ,
Мы идемъ своимъ путемъ.
Мы крылатымъ вьемся змѣемъ,
Мы полземъ въ пыли змѣей,
Но въ своемъ мы не умѣемъ
Сонъ лелѣять вправду свой.

Мы зрачки пьянимъ зрачками,
Всей душой въ глаза глядимъ,
Но не нами, о, не нами
Созданъ звѣздный Серафимъ.
Серафимъ? Быть можетъ, Дьяволъ?
Кто-то есть въ насъ, въ нашемъ Мы.
Бывшій въ Морѣ — въ Безднѣ плавалъ,
Но не смѣрилъ этимъ Тьмы.

ВѢРОЛОМНЫЙ.

То, что я отшвырнулъ съ облегченіемъ,
Ты бы принялъ съ великимъ желаніемъ.
Но, когда засмѣялся я пѣніемъ,
Разразился ты дикимъ рыданіемъ.

А она? Тѣмъ рыданьемъ напугана?
Этой силой страданія темнаго?
Или тѣмъ, что безпечнымъ поругана,
Что любила она вѣроломнаго?

Вѣроломны лишь тѣ, что съ красивыми
Смѣютъ — цѣпкою мглой быть объятыми.
Я какъ вѣтеръ промчался надъ нивами,
Вамъ — быть смятыми вѣтромъ, и сжатыми.

ИЗМѢНА БЕЗЪ ИЗМѢННИКА.

О, нѣтъ, я не измѣнникъ,
Красивыя мои.
Я былъ вамъ вѣрный плѣнникъ,
Я вашъ былъ, въ забытьи.

Но, ежели съ царицей
Я былъ и царь и рабъ,
Лечу я вольной птицей
Изъ царства скользкихъ жабъ.

Я былъ бы вѣчный плѣнникъ,
Всегда бъ склонялся ницъ,
Но медлитъ лишь измѣнникъ
Средь измѣненныхъ лицъ.

Но медлитъ лишь безсильный
Въ окованности дней,
Гдѣ путь простерся пыльный,
Гдѣ больше нѣтъ стеблей.

Я никогда не ленникъ
Нецарственныхъ царицъ,
И нѣтъ, я не измѣнникъ,
Я птица между птицъ.

ТЕРЕМНЫЙ УМЪ

Тѣсный женскій умъ живетъ вѣчно въ терему,
Какъ ему не скучно тамъ, право, не пойму.

Я привольная волна, весь свой день бѣжалъ,
А коль берегъ наступилъ, умеръ пѣнный валъ.

Тѣсный женскій умъ, проснись, есть восторгъ ума,
При которомъ хороши даже терема.

Ты, проснувшись, въ яви спи, встанетъ валъ свѣтло,
Заблеститъ въ твоемъ окнѣ, какъ огонь, стекло.

Тѣсный женскій умъ, люби, есть восторгъ ума,
При которомъ хороши даже терема.

ОХОТНИКЪ.

Я охотникъ, я стрѣлокъ,
Я въ пути, и путь далекъ.
Долго я въ лѣсу плуталъ.
Полонъ мой ягташъ. Усталъ.

Отдохни, мое ружье.
Птица тамъ? Оставь ее.
Звѣри тамъ? Не тронь ихъ рой.
Пусть живутъ. Иди домой.

Ты болото миновалъ.
Выпей въ честь трясинъ бокалъ.
И въ трясинахъ есть краса,
Травы, жизни, голоса.

Не запуталъ ты души
Въ чащѣ, въ стонущей глуши.
Тамъ нашелъ — чего искалъ.
Выпей въ честь глуши бокалъ.

Дѣвъ лѣсныхъ заслыша зовъ,
Не свалился въ скользкій ровъ.
Похвала бѣсовскимъ рвамъ,
Зорокъ глазъ мой, слава вамъ.

Я натѣшился вполнѣ.
Путь далекъ, но видно мнѣ.
Вѣренъ былъ курокъ ружья.
Лѣсъ, прощай. Есть домъ — и я.

ДВОЙСТВЕННЫЙ ЧАСЪ.

Въ вечерней ясности молчанья
Какое тайное вліянье
Влечетъ мой духъ въ иной предѣлъ?
То часъ прощанья и свиданья,
То ангелъ звуковъ пролетѣлъ.

Весь гулъ оконченнаго пира
Отобразила арфа-лира
Преображенныхъ облаковъ.
Въ душѣ существъ и въ безднахъ Міра
Качнулись сонмы тайныхъ словъ.

И свѣтъ со тьмой, и тьма со свѣтомъ
Слились, какъ слита осень съ лѣтомъ,
Какъ слита съ воздухомъ вода.
И въ высотѣ, нѣмымъ привѣтомъ,
Зажглась Вечерняя Звѣзда.

ТРИ КОНЯ.

На трехъ коняхъ Властитель Солнца
Свершаетъ выѣздъ въ Ивановъ день.
И конь одинъ краснѣй червонца,
И конь другой есть конь-игрень.

И третій конь весь бѣлый, бѣлый,
Какъ будто вылитъ изъ серебра.
Властитель Солнца, свѣтлый, смѣлый,
Свершаетъ выѣздъ. — „Въ путь. Пора".

Но чуть доѣдетъ до зенита,
Конь златокрасный горитъ — и палъ.
Властитель Дня хлеснетъ сердито
Тѣхъ двухъ — и дальше поскакалъ.

И конь-игрень онъ тоже красный,
Но съ бѣлой гривой, о, съ бѣлой онъ.
Онъ мчитъ, бѣжитъ, играетъ, страстный,
И палъ, и палъ на небосклонъ.

У Бога Солнца сердце сжато,
Ему лишь бѣлый остался конь.
На склонахъ яркаго заката
Горитъ пурпуровый огонь.

И виденъ въ тучахъ бѣлоснѣжныхъ
Конь смертно-блѣдный изъ серебра.
Властитель Солнца, въ снахъ безбрежныхъ,
Свершаетъ путь. — „Домой. Пора".

ОЖЕРЕЛЬЕ

СТЕБЕЛЬ ПРИДОРОЖНЫЙ.

Тонкій колосъ нивъ не нашихъ,
Стебель придорожный, —
Словно пилъ въ нездѣшнихъ чашахъ,
Чаръ Египетскихъ отвѣдалъ, здѣсь тебя взростившій, геній,
Безтревожный, —
Такъ утонченно-спокойный, между дремлющихъ растеній,
Истонченный, нѣжно-стройный, вознесенный въ міръ видѣній,
Ты стоишь, въ воздушной грезѣ, на краю большой дороги,
Какъ созданье сновидѣній,
Какъ Египетскіе боги.

ЧЕРВОННЫЯ СВЯТКИ.

Святая Недѣля, Червонныя Святки,
Тутъ Солнце — въ веселіи нашемъ сполна,
Даритъ намъ сіянье свое безъ оглядки,
А Ночи вѣщаетъ, молъ, ты не нужна.

Во все продолженье Пасхальной седьмицы,
Какъ Солнце взошло, такъ не хочетъ зайти,
И долго поютъ намъ полдневныя птицы,
И долго хотятъ намъ всѣ травы цвѣсти.

ЗОЛОТАЯ ПАРЧА.

Золота парча развивается.
святочная пѣсня.

Золотая парча развивается,
Кто-то въ путь въ дорогу сбирается.
Это мать ли моя, или милая?
Иль чужая старуха унылая?

Золотая парча развивается,
Путь-дорога въ лѣса означается.
То не милая, нѣтъ, не старуха, не мать,
Не хотятъ онѣ въ мірѣ, не могутъ гулять.

Золотая парча развивается,
Заколдованный замокъ вздымается.
Это мысли мои, это вольность мечты,
Ей доступны пути Красоты.

БОЖЬЯ.

Спросилъ я весеннюю божью коровку:
Зачѣмъ одѣваешься въ красную кровку?
Нарядъ у сестренки твоей — золотой.
Но малая божья рубинка молчала,
И двигала крылья, и ихъ расцвѣчала,
Раскрыла — и прочь отъ вопросовъ, домой.

ЗЕЛЕНЫЙ, КРАСНЫЙ, ЧЕРНЫЙ.

Зеленый, красный, черный цвѣтъ
Литовцы разно чтили.
Въ зеленомъ видѣли расцвѣтъ,
Блаженство изобилій.

Въ горѣньи краснаго — войну,
А въ черномъ — вѣдьму злую,
Что сонмы душъ ведетъ ко сну
Чрезъ язву моровую.

Я весь весна — вѣдь я поэтъ,
И я война — я раненъ,
Но въ трехъ цвѣтахъ лишь черный цвѣтъ,
Мнѣ черный цвѣтъ желаненъ.

ТРИ КАМНЯ.

„Я ихъ люблю обѣихъ“,
Съ тоскою я сказалъ.
„Я ихъ люблю обѣихъ“.
„— Твой умъ запутанъ въ змѣяхъ“,
Сказалъ мнѣ Камень Алъ.

„Но выбрать не могу я“,
„Хотя бы я посмѣлъ.
„Но выбрать не могу я“.
„— Тогда умри, тоскуя“,
Сказалъ мнѣ Камень Бѣлъ.

„Нѣтъ, міръ мнѣ — въ двухъ врагиняхъ,
„Два міра въ нихъ святынь,
„Весь міръ мнѣ въ двухъ врагиняхъ“.
„— Тогда живи въ пустыняхъ“,
Сказалъ мнѣ Камень Синь.

МОЛИТВА КЪ ЛУНѢ.

О, Луна, ты, взошедшая желтой и дымной надъ нами,
Посребрившая послѣ свой вѣчно-колдующій кругъ,
Ты рождаешь тѣ звоны, которые слышимъ глазами.
Будь мнѣ другъ.

Я изъ вѣрныхъ твоихъ, изъ влюбленныхъ, въ любви
блѣднолицыхъ,
Я подругу свою потерялъ за чертою пустынь,
Гдѣ-то тамъ, гдѣ-то тамъ. Ты ее на туманныхъ границахъ
Не покинь.

Мы сейчасъ — подъ тобой. Мы блуждаемъ и молимся
розно.
Мой звенящій призывъ ты въ ней чарами свѣта зажги.
Приведи же ее. О, скорѣе! Покуда не поздно.
Помоги.

ТАЙНА ЖЕМЧУГОВЪ.

Если бъ ложью было то,
Что Морской есть Царь съ Царевной,
Въ нихъ не вѣрилъ бы никто,
Не возникъ бы міръ напѣвный.

Мы, однако же, поемъ,
Мы о нихъ слагаемъ сказки.
Отчего? На днѣ морскомъ
Мы извѣдали ихъ ласки.

Много разныхъ есть морей,
Но въ моряхъ одна Царевна.
Кто хоть разъ предсталъ предъ ней,
Рѣчь того навѣкъ напѣвна.

Но красивѣй всѣхъ поетъ
Тотъ, кто зналъ уста Прекрасной.
Только вотъ который годъ
Нѣтъ намъ пѣсни полногласной.

Можетъ, кто-то въ глубинѣ
Слишкомъ сильно полюбился?
Мы помолимся Лунѣ,
Чтобъ тайфунъ до бездны взрылся.

Чтобъ до нашихъ береговъ
Кинулъ милаго отъ милой.
Чтобъ глубинныхъ жемчуговъ
Намъ онъ бросилъ съ гордой силой.

И рыдали бы въ струнѣ,
Ослѣпительно-напѣвны
Сонъ увидѣнной во снѣ,
Стоны страсти въ глубинѣ,
Крикъ покинутой Царевны.

НЕ ВЕРНУВШІЙСЯ.

„Я вернусь къ вамъ потомъ. Я вернусь къ вамъ съ
Царевной“.
Такъ молилъ я своихъ на своемъ кораблѣ.
„Отпустите меня“. — Но съ угрюмостью гнѣвной
Мнѣ твердили они о добрѣ и о злѣ.

Упадала въ мой слухъ ихъ ворчня однозвучно. —
„Что жь, мы будемъ здѣсь слушать морской этотъ
гулъ?“ —
И мнѣ стало межь ними такъ скучно, такъ скучно,
Что я прыгъ съ корабля ихъ, и вотъ, утонулъ.

О, счастливый прыжокъ! Ты навѣки избавилъ
Человѣка Земли, но съ морскою душой.
Въ тѣснотѣ корабля я своихъ тамъ оставилъ,
И съ тобой я, Морская Царевна, я твой.

День и ночь хороводы намъ водятъ ундины,
Аметисты въ глазахъ у Морского Царя,
Головой онъ тряхнетъ, — и иныя картины,
Утро нашей Земли, дней послѣднихъ Заря.

Сказки рыбокъ морскихъ такъ безгласно-напѣвны,
Точно души проходятъ, дрожа по струнамъ.
И мечтать на груди у тебя, у Царевны, —
О, товарищи дней, не вернуться мнѣ къ вамъ!

Я вамъ честно солгалъ, не зовите измѣннымъ,
Но настолько все странно въ морской глубинѣ,
Такъ желанно все здѣсь, въ этомъ мірѣ безпѣнномъ,
Что не нужно объятія братскаго мнѣ.

Да и вамъ не понять, верховзорнымъ, оттуда,
Какъ узывны здѣсь краски и сны и цвѣты.—
О, Царевна морей, имъ ты чуждое чудо,
Мнѣ же тамъ только міръ, гдѣ глубины и ты.

ЗАКЛЯТЫЕ.

„ — Царевичъ, Царевичъ, ты спишь?“
„ — Проснуться нельзя мнѣ, Царевна“.
И снова жестокая тишь,
Лишь вьюга проносится гнѣвно.

Безумствуетъ тамъ, за окномъ,
Предъ сказочно-древнимъ чертогомъ,
Гдѣ призраки скованы сномъ,
Гдѣ дверь замерла надъ порогомъ.

Семь страшныхъ ночей круговыхъ,
Какъ семь жернововъ онѣмѣлыхъ,
Сложились въ колдующій стихъ,
Надъ міромъ безгласностей бѣлыхъ.

Рѣшили они задавить
Возможность листковъ и расцвѣта.
Прядется и крутится нить,
И можетъ лишь грезиться лѣто.

Зловѣщія пряхи ворчатъ,
Ихъ прялки рождаютъ мятели.
Молчатъ, неживые, молчатъ
Листы въ ихъ сковавшей постели.

А въ древнемъ чертогѣ, вдвоемъ,
Царевичъ съ Царевной заснули,
И грезятъ, овѣяны сномъ,
О страстномъ, о жаркомъ Іюлѣ.

Какъ будто въ глубокой водѣ,
Въ ихъ мысляхъ свѣтло и печально.
Цвѣтокъ наклонился къ звѣздѣ,
Глубинность отвѣта зеркальна.

И только порою, порой,
Какъ будто бы лучъ улыбнется,
И сонная съ сонной душой
Въ вопросѣ-отвѣтѣ сольется.

„— Ты спишь, мой Царевичъ?“ — „Я сплю“.
Тѣнь словъ возникаетъ напѣвно.
„— Я сплю. но тебя я люблю“.
„— Я жду“, отвѣчаетъ Царевна.

ОПРОКИНУТЫЙ КУБОКЪ.

Въ разгарѣ веселій,
Что съ дымомъ печалей, —
Въ снѣжистости далей,
Гдѣ пляшетъ бурунъ, —
Средь пышности елей,
Межь призраковъ сосенъ,
Въ предчувствіи весенъ,
Въ дрожаніяхъ струнъ,
Не вешнихъ, не здѣшнихъ,
Не здѣшнихъ, не вешнихъ,
Въ мельканіяхъ струнъ,
Закрутившихъ бурунъ, —
Я мглою былъ скованъ,
Тоской зачарованъ,
Я, нѣжный, и въ нѣжности — злой,
Я, геній свирѣлей,
Я, утро апрѣлей,
Былъ сжатъ сребро-льдяною мглой, —
Вдругъ кто-то раздвинулъ,
Межь снѣжныхъ постелей,
Застывшіе пологи льдовъ,
И ты опрокинулъ
Мой домъ изъ снѣговъ,

И ты опрокинулъ
Тотъ кубокъ мятелей,
И струны запѣли о счастіи сновъ,
И сны засмѣялись въ расцвѣтахъ апрѣлей,
Въ расцвѣтахъ, во взорахъ,
И въ звонахъ, въ которыхъ
Весь міръ засверкалъ, такъ чарующе-новъ.

ЗАКЛИНАНІЕ СТИХІЙ.

Царь-Огонь, Царевичъ-Вѣтеръ, и Вода-Царица,
Сестры-Звѣзды, Солнце, Мѣсяцъ, Дѣвушка-Зарница,
Лѣсъ Зеленый, Камень Синій, Цвѣтикъ Голубой,
Міръ Красивый, Міръ Созвѣздный, весь мой духъ
съ тобой.
Жги, Огонь. Вода, обрызгай. Вѣтеръ, дунь морозомъ.
Солнце, Мѣсяцъ, Звѣзды, дайте разыграться грозамъ.
Чтобы Дѣвушка-Зарница, съ грезой голубой,
Вспыхнувъ Молніей, явилась для меня судьбой.

ЗАВЕРШЕННОСТЬ.

Ты вѣрила мнѣ какъ Богу,
Ты меня любила какъ міръ, —
И я на великую вышелъ дорогу,
И лира моя полнозвучнѣй всѣхъ лиръ!

Я былъ для тебя наслажденье,
Какого другого нѣтъ, —
И пѣсенъ моихъ не скудѣетъ рожденье,
И пѣсни мои суть напѣвы побѣдъ!

Я былъ для тебя страданье,
И ты любила его, —
Я знаю, что въ мысляхъ творцовъ мірозданья,
Я знаю, что значитъ быть Всѣмъ для всего!

ЗАПОРОЖСКАЯ ДРУЖИНА.

Запорожская дружина дней былыхъ была прекрасна,
Въ ней товарищи носились за врагами по степямъ.
Не жалѣли, не смущались, и одно имъ было ясно:
Это небо — наше небо, эти степи — служатъ намъ.

И, смѣнивши клики брани на безуміе попойки,
Братскимъ смѣхомъ запорожцы озаряли свѣтлый часъ.
И по степи точно мчались чьи-то бѣшеныя тройки,
Это отзвуки веселья колдовали тамъ для насъ.

Колдовали и звенѣли. Напѣвали: Время минетъ.
Замолчатъ курганы наши. Будемъ въ вѣтрѣ мы какъ пыль.
Но въ потомкахъ наша память да не меркнетъ, да не стынетъ, —
Слышу, дѣды-запорожцы, мнѣ звенитъ о васъ ковыль.

Запорожская дружина насъ, познавшихъ силу свѣта,
Насъ, чей гордый лозунгъ — утро вѣчно-юнаго лица,
Да пребудетъ неизмѣнной, какъ звенящій стихъ Поэта,
Да пребудетъ полновластной, какъ побѣдный кликъ Пѣвца.

ЗВУКЪ ИЗЪ ТАИНСТВЪ.

Цвѣтокъ есть расцвѣтшее пламя, Человѣкъ — говорящій
огонь,
Движеніе мысли есть радость всемірныхъ и вѣчныхъ
погонь.
И взглянемъ ли мы на созвѣздья, разслышимъ ли
говоры струй,
Мы знаемъ, не знать мы не можемъ, что это одинъ
поцѣлуй.
И струнъ ли рукой мы коснемся, чтобъ сдѣлать
пѣвучимъ нашъ пиръ,
Мы пѣсней своей отзовемся на пѣсню, чье имя есть
Міръ.
И кто бы ты ни былъ, напрасно — цвѣтка ль,
Человѣка ль — не тронь: —
Цвѣтокъ есть расцвѣтшее пламя, Человѣкъ — говорящій
огонь.

ОСТРОВЪ.

Островъ сдѣлай изъ себя,
Островъ голубой.
И мгновенье не дробя,
Будь самимъ собой.

Міръ людей — толпа акулъ,
Это — вражій станъ.
Вбрось свой разумъ въ мѣрный гулъ,
Слушай Океанъ.

Помни: даже и Потопъ
Бережетъ ковчегъ.
Жизнь людей — безмѣрный гробъ,
Стань на тихій брегъ.

Межь тобою и людьми
Пусть поютъ моря.
Эту долю ты возьми,
Съ Богомъ говоря.

Не покинетъ лучъ тебя,
Будетъ сонъ съ тобой.
Островъ сдѣлай изъ себя,
Островъ голубой.

СЛОВО О СУДЬБѢ.

На чистое поле, подъ ясное Небо, подъ черное облако
встань,
На красное Солнце, на Мѣсяцъ двурогій, на звѣзды
высокія глянь.
Подъ Солнцемъ подъ краснымъ есть синее Море,
и ладанный камень на немъ,
И Божія церковь на ладанномъ камнѣ, гдѣ служба
и ночью, и днемъ.

Ты выбери поле, иль выбери Небо, иль выбери Море
себѣ,
Но, выбравъ, люби ихъ, но, выбравъ, служи имъ, и вѣрь
той отдѣльной судьбѣ.
Ты Солнце увидишь не такъ, какъ другіе, войдешь въ
много звѣздный ты храмъ,
И будешь ты видѣть, какъ днемъ тамъ и ночью
лазурный встаетъ ѳиміамъ.

ОБЛАЧНАЯ ЛѢСТНИЦА

Если хочешь въ край войти вѣчно-золотой,
Облачную лѣстницу нужно сплесть мечтой,
Облачныя лѣстницы насъ ведутъ туда,
Гдѣ во снѣ бываемъ мы только иногда.

А и спать не нужно намъ, лишь возьми росу,
Окропи вечернюю свѣта полосу,
И, скрѣпивши облачко мѣсячнымъ лучомъ,
Въ путь иди, не думая больше ни о чемъ.

ПРАЗДНИКЪ НЕБА.

Солнце перстень золотой
Намъ невѣдомаго Бога.
Солнце свѣтитъ надъ Водой,
Солнце гаснетъ за чертой
Предвечерняго чертога.

Предвечерняя Луна
Серебристое запястье.
О, Луна, ты намъ дана
Для узывчиваго сна
Змѣевого сладострастья.

Змѣевидный Млечный Путь
Міровое ожерелье.
Если мы когда-нибудь
Захотимъ сполна уснуть,
Тамъ проснемся для веселья.

Звѣзды весело горятъ,
Вѣченъ праздникъ изумруда.
Въ нихъ опалы нѣжно спятъ,
Въ нихъ рубины точатъ ядъ.
Праздникъ Неба — вѣчность Чуда.

РУНЫ НОЧИ

ПОШУТИТЪ...

Пошутитъ Водяной — измочитъ,
Пошутитъ Лѣшій — закружитъ,
Русалка шутитъ — защекочетъ,
Пошутитъ Ночь — заворожитъ.

РУНЫ НОЧИ.

Руны Ночи прочитавъ,
Струны грома разобравъ,
Я блуждаю, и сбираю на болотахъ стебли травъ.

Въ этихъ травахъ тонкій ядъ,
Самоцвѣтности горятъ,
Въ нихъ глубокій, змѣеокій, нелюдской, берущій
взглядъ.

Эти травы я сожму,
Выпью ядъ, и выпью тьму,
Кто бъ ты ни былъ подходящій, знай, что я тебя
возьму.

Насъ погонятъ по пятамъ
Руны Ночи въ черный храмъ,
Струны грома, гряньте бурю, душу Дьяволу отдамъ.

ЗМѢИНАЯ СВѢЧА.

Литовцы отмѣтили, въ давнихъ вѣкахъ
Великую тайну въ двухъ вѣщихъ строкахъ,
Что въ треньи временъ не сотрутся:
„Змѣиную если зажжешь ты свѣчу,
Всѣ змѣи сберутся“.
Что въ этихъ строкахъ, я о томъ умолчу,
Лишь мудро о нихъ вспоминая.
Часъ вѣщій теперь. Я свѣчусь и лечу,
Какъ птица ночная,
Какъ птица, быть можетъ, не птица, змѣя
Крылатая, зыбко-двойная,
На свѣтъ, на лѣсную свѣчу поспѣшая
Въ безвѣстность, гдѣ змѣи, гдѣ царствуетъ — Я.

ПЕРЕБРОШЕННЫЯ ЗВЕНЬЯ.

Что держитъ Землю? Что? — Вода.
— Что держитъ Воду? — Камень грозный.
— Что держитъ Камень, дни, года,
Что держитъ Міръ окружно-звѣздный?
— Четыре мощные Кита.
— На чемъ они, Киты златые?
— Ихъ вѣчно держитъ Красота,
Огня теченья молодыя.
— А что же держитъ тотъ Огонь?
— Другой Огонь, его двѣ части.
— А дальше? — Болѣе не тронь.
Не тронь. Сгоришь!

ЗАКЛИНАНЬЕ ВОДЫ И ОГНЯ.

Я свѣтъ зажгу, я свѣтъ зажгу,
На этомъ берегу.
Иди тихонько.
Слѣди, на камнѣ есть вода,
Иди со мной, съ огнемъ, туда,
На бѣломъ камнѣ есть вода.
Иди тихонько.

Рука съ рукой, рука съ рукой,
Здѣсь кто-то есть другой.
Иди тихонько.
Тотъ кто-то, можетъ, слышитъ насъ.
Слѣди, чтобъ свѣтъ нашъ не погасъ,
Чтобы вода не пролилась.
Иди тихонько.

Мы свѣтъ несемъ, мы свѣтъ несемъ.
Рабы намъ Ночь со Днемъ.
Иди тихонько.
Слѣди, рука съ рукой тверда,
На бѣломъ камнѣ есть вода,
Свѣти, идемъ съ огнемъ туда.
Иди тихонько.

ХВОЯ.

Это не дерево, нѣтъ, это храмъ,
Это молельня лѣсная.
Струйно смолистый дрожитъ ѳиміамъ,
Душу къ молитвамъ склоняя.

Молча безсмѣнный горитъ изумрудъ
Въ этой вознесшейся хвоѣ.
Сердце, утихни, быть радостно тутъ
Въ благоговѣйномъ покоѣ.

„А тѣ просвѣты межь вѣтвей?“
Она, вздохнувъ, сказала,
И на мерцанія очей
Какъ будто указала.

„О, тѣ мерцанія очей,
Замысливших иное!“
Такъ чей же сонъ, о, чей, о, чей
Въ той непостижной хвоѣ!

ЗАКЛЯТІЕ МѢСЯЦА.

Мѣсяцъ, Мѣсяцъ, гдѣ ты былъ?
— На томъ свѣтѣ я ходилъ.
— Озаритель облаковъ,
Что ты видѣлъ? — Мертвецовъ.
— Много ль ихъ? — Безмѣрный рядъ.
— Что тамъ дѣлаютъ? — Всѣ спятъ.
— Мѣсяцъ, Мѣсяцъ, гдѣ ты былъ?
— Я надъ Моремъ синимъ плылъ.
— Что ты видѣлъ на волнахъ?
— Тѣло мертвое и страхъ.
— Мѣсяцъ Мѣсяцъ, гдѣ ты былъ?
— Въ вѣковѣчной смѣнѣ силъ.
— Что ты видишь безъ конца?
— И тебя, какъ мертвеца.

ЗАЧАРОВАНІЕ.

Отъ вещи, во тьмѣ проходящей,
Змѣиности, тайно скользящей,
Всевышній, меня сохрани,
Зловражеской силѣ молчащей
Скажи: „Зачаруйся. Усни“.

Чтобъ глазъ тѣхъ, враждебныхъ, но спящихъ,
И тускло, и лунно глядящихъ,
Я тайную повѣсть прочелъ,
И въ жадныхъ пугающихъ чащахъ
Нашелъ зачарованный долъ.

Чтобъ тѣмъ же путемъ, но обратнымъ,
И съ новымъ цвѣткомъ, ароматнымъ,
Прошелъ я въ законченный часъ,
Съ волненьемъ лишь сердцу понятнымъ,
Близь лунно-мерцающихъ глазъ.

СЛОВО КЪ ТРЕМЪ ПТИЦАМЪ.

На крутой горѣ есть дубъ,
Волкъ на немъ сломилъ бы зубъ,
Столь онъ крѣпкій, столь тугой,
Этотъ дубъ сторожевой.
А на дубѣ томъ, смотри,
Птицы мѣдныя, ихъ три,
Свѣтятъ въ радугахъ росы
Золоченые носы.
Этотъ дубъ они клюютъ,
Денно, нощно, клювомъ бьютъ,
Такъ имъ нужно, говорятъ,
Золоченый клювъ острятъ.
Вы не бейте, Птицы, дубъ,
Духъ людской не меньше грубъ,
Твердъ и жестокъ духъ людской,
Можетъ, вдвое онъ тугой.
Можетъ, въ тысячу онъ разъ
Будетъ пробою для васъ,
Заостривъ, придастъ красы
Въ золоченые носы.
Вы попробуйте на немъ
Клювъ свой ночью, клювъ свой днемъ,
Птицы мѣдныя, скорѣй,
Клювомъ, клювомъ, въ мозгъ людей.

СЛОВО ОТЪ ЗМѢЙ.

Много есть на Небѣ разнствующихъ звѣздъ,
Свѣтятъ, не просвѣтятъ весь земной туманъ.
На рѣкѣ Смородинѣ, калиновый тамъ мостъ,
На мосту калиновомъ, дубъ стоитъ Мильянъ.
А въ дубѣ томъ въ дуплистомъ — змѣиный гробъ,
А въ томъ гробу сокрытомъ — змѣиный зубъ и ядъ.
Змѣиная утроба жаднѣе всѣхъ утробъ,
Всѣхъ взглядовъ обманнѣе — змѣиный взглядъ.
Узоры я расчислилъ разнствующихъ звѣздъ,
Выслѣдилъ туманъ я, знаю нравъ я змѣй,
Дубъ - Мильянъ извѣстенъ мнѣ, знаю красный мостъ,
Зубъ змѣи — на ядъ змѣи, ядъ, уйди скорѣй.
Прочь, змѣя подводная,
Скройся, подколодная,
Лѣсовая,
Межевая,
Домовая,
Гноевая,
Злая, злая, прочь, змѣя.
Отъ очей васъ отвлекаю,
Словомъ тайнымъ зарекаю,
Зубъ на ядъ, и ядъ на зубъ,
Помогай мнѣ, вѣщій дубъ,
Просыпайся, власть моя,
Уходи, змѣя лихая,
Молодая,
Золотая,
Щелевая,
Гробовая,
Злая, злая, прочь, змѣя.

СЛОВО ОТЪ ЗМѢИНАГО ЯДА.

Тамъ, на морѣ Океанѣ,
Все на томъ, на немъ, Буянѣ,
Дубъ стоитъ,
Шелеститъ,
Дубъ тотъ старъ,
Полонъ чаръ,
А подъ дубомъ, словно гробъ,
Древній камень Бѣлоробъ,
А на камнѣ Бѣлоробѣ,
Словно въ гробѣ,
Сильный Змѣй,
Царь гадюкъ, змѣюкъ, мѣдянокъ,
Змѣй великій, Скороспѣй.
Въ день Ивановъ, спозаранокъ,
На зарѣ скажи скорѣй: —
Сильный Змѣй,
Сильный Змѣй,
Змѣй великій, Скороспѣй,
У тебя есть много жалъ,
Много жалящихъ дѣтей,
Сколько ихъ,
Огневыхъ,
Водяныхъ и полевыхъ,
Сколько ихъ, сколько ихъ,
Ядъ широко побѣжалъ,

Но лучами — шире свѣтъ,
И великій счетъ — гробовъ,
Но великъ — и счетъ примѣтъ,
И въ умѣ есть столько словъ,
Что для всѣхъ васъ мечъ готовъ,
И завѣтное есть слово
Для тебя, для Скороспѣя,
Для тебя, для Змѣя злого,
И для всякаго есть змѣя,
И для женскихъ быстрыхъ змѣй,
Для гадюкъ,
Для змѣюкъ,
Для мѣдянокъ - мѣдяницъ,
Всѣмъ вамъ — пасть во прахѣ ницъ,
Всѣмъ вамъ — ползать передъ властью полнословною моей,
Захочу — и всѣхъ замкну я, васъ замкну я въ тѣсный гробъ,
Захочу — его сцѣплю я, этотъ камень Бѣлоробъ,
Повинуйся жь слову власти, Змѣй великій Скороспѣй!

ТЫ ХОЧЕШЬ?

Ты хочешь убивать? Убей.
Но не трусливо, торопливо,
Не въ однорукости мгновеннаго порыва,
Когда твой духъ — слѣпыхъ слѣпѣй.
Коль хочешь убивать, убей —
Какъ пишутъ музыку — красиво.

ТУМАННЫЙ КОНЬ.

Ужь давно, на граняхъ міра, заострился жгучій тернъ,
Ужь не разъ завыли волки, эти псы, собаки Норнъ.
Мистаръ-Марръ, созданье влаги, тяжко-сѣрый конь
Валькирій
Опрокинулъ бочки грома, и низвергнулъ громы въ мірѣ.

Битва длится, рдяны латы, копья, шлемы; и щиты,
Мечъ о мечъ стучитъ, столкнувшись, ярки искры
Красоты.
Ихъ тринадцать, тѣхъ Валькирій, всѣхъ изъ нихъ
прекраснѣй Фрея,
Кравчій Асовъ, цвѣтъ и птица, лебедь бѣлый и лилея.

Мистаръ-Марръ гремитъ копытомъ, брызги молній —
чада мглы.
Быстро вороны промчались, рѣютъ съ клекотомъ орлы.
На кровавой красной ткани судьбы выткала Сеанеита.
Къ пиру! Въ Вальгёлль! Тамъ сочтемъ мы, сколько
воиновъ убито.

ДВѢ ВОДЫ.

Въ суткахъ двѣ воды.
АРХАНГЕЛЬСКАЯ
ПОГОВОРКА.

Двѣ воды — одна съ высотъ,
А другая — изъ низинъ.
Двѣ бѣды — одна убьетъ,
Надъ другой — ты властелинъ.
Двѣ воды — а капель счетъ
Слитъ въ одно въ игрѣ пучинъ.

Тучно пучится она,
Вѣковая глубина.
Колыхается, какъ китъ,
Въ часъ, когда въ пучинахъ спитъ.
Тучны вѣчные снопы,
Звучны косы и серпы.

Холодъ конченъ, таетъ ледъ,
Зеленѣетъ гладь долинъ.
Ледоходъ, вода идетъ,
Мать мертва, но веселъ сынъ.
Ключъ поетъ, въ цвѣтахъ есть медъ,
Двѣ воды, а путь одинъ.

ЖЕЛАЙ.

Желай того, чего желаютъ Боги,
Хотѣньемъ божески-прямымъ,
И ты пройдешь несчетныя дороги,
А не развѣешься, какъ дымъ,
Твои восторги будутъ многи,
Ты станешь памятью, преданьемъ вѣковымъ,
Желай, чего желаютъ Боги,
Нельзя идти путемъ инымъ.

ОГНЕННАЯ МЕЖА.

День Купалы, день Ивана, зорко сторожи,
Этотъ день есть знакъ раздѣльный огненной межи.

Все, что было, кругъ свершило, отступаетъ прочь,
Выявляетъ блескъ свой сила въ огненную ночь.

Если ты сумѣлъ безстрастно точный кругъ замкнуть,
Въ чащѣ лѣса не напрасно ты держалъ свой путь.

Сонму всѣхъ бѣсовскихъ полчищъ не прейти черты,
Пусть ихъ жмутся, не прорвутся въ область Красоты.

Сотни рукъ, несчетность цѣпкихъ, въ жаждѣ тьмы
и бѣдъ,
Не ухватятъ твой недвижный папоротникъ-цвѣтъ.

Всѣ зрачки, искусныхъ въ сглазѣ, острыхъ вражьихъ
глазъ
Не дождутся, чтобы взоръ твой, свѣтлый взоръ погасъ.

Всѣ шептанья, всѣ дыханья въ чащѣ вѣковой
Не осилятъ заклинанья, — кругъ всевластенъ твой.

Духъ твой свѣтелъ, ты распуталъ всѣ узоры лжи,
Ты крещенъ великой тайной огненной межи.

СВАДЬБА ВОДЫ И ОГНЯ.

Свадьба Воды и Огня
Это зеленые храмы растеній,
При всемірныхъ свѣчахъ свѣтлоглазаго Дня,
При несчетныхъ свѣчахъ звѣздосвѣтныхъ полночныхъ
горѣній.
Лики Воды и Огня,
Обвѣнчавшихся въ пресуществленьи двойного начала,
Принимаютъ всѣ краски, и Временность, въ Вѣчность
маня,
Одѣвается въ золото, свѣтится ало,
И на свадьбѣ Воды и Огня
Сколько есть изумрудовъ, играній опала,
Сколько разъ между травъ перемѣнный алмазъ
Цѣловался съ Водой, и росинка зажглась,
Сколько разъ по одеждѣ живой изумруда
Пробѣжалъ поцѣлуйный шиповникъ - рубинъ,
И, желаніе въ стеблѣ кольнувъ, онъ стремленіе вызвалъ
оттуда,
Лепестки поманилъ, расцвѣченности тайныхъ глубинъ,
И пожаромъ червоннымъ зажглось многоцвѣтное чудо,
И на долы Земли снизошла вышина,
И зажглось Семизвѣздье съ улыбкой Венеры,
Въ незабудкахъ, въ сирени, въ лазурностяхъ льна,
Въ сонмахъ маленькихъ лунъ, солнцъ, живущихъ внѣ
мѣры,

Въ сочетаньяхъ планетъ
Луговыхъ и лѣсныхъ,
Въ безконечностяхъ разныхъ сплетенiй,
Впивающихъ Свѣтъ,
И его претворившихъ въ пахучiй и красочный стихъ,
Ѳимiамы во храмѣ зеленомъ растенiй,
Гулъ хораловъ колдующихъ Ночи и Дня,
При великомъ слiяньи двухъ разныхъ святыхъ
навожденiй,
На свадьбѣ Воды и Огня.

РУНЫ.

Чья была впервые руна?
Индры, Одина, Перуна?
Всѣхъ ли трехъ? Иного ль Бога?
Есть ли первая дорога?

Врядъ ли. Вѣчны въ звонахъ струны.
Вѣчны пламенныя руны.
Вѣченъ Громъ съ его аккордомъ.
Вѣченъ Воронъ съ крикомъ гордымъ.

Въ Вѣтрѣ молкнетъ ли рыданье?
Въ Морѣ ль стихнетъ причитанье?
Полюбивъ, не минешь битвы.
Не забудешь словъ молитвы.

Чтобъ пройти лѣса и горы,
Нужно вѣдать заговоры.
Значитъ, нужно вѣдать руны,
Ибо чащи вѣчно-юны.

Значитъ, нужно вѣдать чары,
Ибо горы вѣчно-стары.
И всегда душѣ знакомы
Руны, молніи, и громы.

ДУХЪ ДРЕВА.

Своей мечтой многовѣтвистой,
Переплетенной и цвѣтистой,
Я много храмовъ покрывалъ,
И радъ я знать, что духъ стволистый
Въ тѣлесномъ такъ воздушно-алъ.

Но, если я для вѣрныхъ, нѣжныхъ,
Для изнемогшихъ, безнадежныхъ,
Свои цвѣты свѣвалъ свѣтло,
Я знаю, въ лепетахъ безбрежныхъ,
Какъ старо темное дупло.

И, если вѣчно расцвѣтая,
Листва трепещетъ молодая,
Я, тайно, слушаю одинъ,
Какъ каждый листъ, съ вѣтвей спадая,
Впадаетъ въ Лѣтопись судьбинъ.

И тѣ, что вѣдаютъ моленья,
И тѣ, что знаютъ изступленье,
И тѣ, въ которыхъ разумъ юнъ,
Какъ буквы, входятъ въ Пѣснопѣнье,
Но буквы не читаютъ рунъ.

MOPAHA

МОРАНА.

Умираніе — мерещится уму.
Смерть намъ кажется. Лишь вѣримъ мы во тьму.
Эти сумерки сознанья и души,
Смерть всемірную предъ ночью утиши.

Умягчи Морану страшную мольбой.
Зачаруй ее въ пустынѣ голубой.
Разбросай среди жемчужинъ алый цвѣтъ.
Зачаруй. Морана — дѣва, ты — поэтъ.

Засвѣти сіяньемъ звѣзднымъ брызги слезъ.
Дай алмазовъ темнотѣ ея волосъ.
„Меркнуть рано“, прошепчи, — она вздохнетъ.
Поцѣлуетъ, усыпитъ, но не убьетъ.

ТКАЧИХА.

Дѣва вѣщая, ткачиха,
Ткетъ добро, съ нимъ вмѣстѣ лихо,
Пополамъ.
Лѣвой бѣлою рукою
Нить ведетъ съ борьбой, съ тоскою.
А рукою бѣлой правой
Нить прямитъ съ огнемъ и славой.
Ткани — намъ.
Дѣва вѣщая, ткачиха,
Въ царствѣ Блага, въ царствѣ Лиха,
Гдѣ-то тамъ.

Пой для Дѣвы, Дѣва глянетъ,
Только ткать не перестанетъ
Никогда.
Сердцемъ зная всѣ напѣвы,
Заглянулъ я въ сердце Дѣвы.
Полюбилъ, и полюбился,
Въ замкѣ Дѣвы очутился
Навсегда.
Любо мнѣ, но душу ранитъ
Шумъ тканья, что не устанетъ
Никогда.

Диво вѣчное, ткачиха,
Тки, колдуй, но только тихо,
Не греми.
А не то проснутся люди,
И придутъ гадать о чудѣ.
Намъ вдвоемъ съ тобою дружно,
Намъ не нужно, не досужно
Быть съ людьми.
Дѣва вѣщая, ткачиха,
Тише, тише, въ сердцѣ — тихо,
Не шуми.

ЧЕРЕЗЪ СТОЛѢТІЯ СТОЛѢТІЙ.

Камень. Бронза. Желѣзо. Холодная сталь.
Утро. Полдень звенящій. Закатность. Печаль.

Солнце. Пьяные Солнцемъ. Ихъ спутанный фронтъ.
Камнемъ первый поверженъ былъ ницъ мастодонтъ.

Солнце. Воины Солнца и дѣти Луны.
Бронза въ бронзу. И смерть. И восторгъ тишины.

Солнце. Ржавчина Солнца. Убить и убить.
Воду ржавую пьютъ, и еще будутъ пить.

Солнце тонетъ въ крови. Мглой окована даль.
Камень былъ. Бронзы нѣтъ. Есть желѣзо и сталь.

Сталь поетъ. Умъ, узнавъ, неспособенъ забыть.
Воду мертвую пьютъ, и еще будутъ пить.

ТРИ ДУШИ.

Три души блуждали, вольныя отъ жизни,
Въ радости эѳирной неземныхъ пространствъ.
Тамъ, гдѣ нѣтъ, не будетъ мѣста укоризнѣ,
Тамъ, въ неизреченномъ, средь живыхъ убранствъ.

Средь живущихъ вѣчно, межь всегда-живого,
Три души блуждали, и спустились внизъ.
Предземное царство было имъ такъ ново,
Три свѣчи на Небѣ новыя зажглись.

Въ трехъ безсмертныхъ душахъ вспыхнуло желанье,
Загорѣлись очи, зазмѣился страхъ.
И у вышнихъ оконъ, въ Домѣ созиданья,
Замелькали руки безглагольныхъ Пряхъ.

Для одной души — пернатая сорочка,
Для другой души — осенній волчій мѣхъ,
Ликъ людской — для третьей... „Что ты плачешь, дочка?
Разскажи, повѣдай. Горе? Или грѣхъ?“

Плачутъ, плачутъ, плачутъ очи человѣка,
Волкъ въ лѣсу боится, пробуждая страхъ,
Безпріютна птица въ воздухѣ, отъ вѣка,
Три души забыли о совмѣстныхъ дняхъ.

МІРОВАЯ ПАУТИНА.

Есть странные люди, безумные люди,
Что живутъ лишь въ стремленьи одномъ,
Въ вѣковомъ они кружатся, въ призрачномъ чудѣ,
Подъ негасимымъ огнемъ.

Надъ ними, подъ ними проходятъ планеты,
Сжигаются солнца со свитою лунъ,
Но эти безумные — вѣтромъ одѣты,
Ихъ носитъ, бросаетъ бурунъ.

Не пьютъ, не ѣдятъ. Въ томъ какая причина?
Кто знаетъ? Причиненъ ли въ полночь нашъ бредъ?
Подъ вѣтромъ летятъ, какъ летитъ паутина,
А смерти имъ нѣтъ.

ДОЛИНЫ СНА.

Пойду въ долины сна,
Тамъ вкось ростутъ цвѣты.
Тамъ падаетъ Луна
Съ бездонной высоты.

Вкось падаетъ она,
И все не упадетъ.
Въ глухихъ долинахъ сна
Густой дурманъ цвѣтетъ.

И странная струна
Играетъ безъ смычковъ.
Мой умъ — въ долинахъ сна,
Средь волнъ безъ береговъ.

ТѢНЬ.

ЗАГАДКА.

Ходитъ безъ ногъ,
Цѣпко безъ рукъ,
Уста безъ рѣчи.
Придетъ на порогъ,
Предвѣстникомъ мукъ,
Таинственной встрѣчи.

И взоромъ слѣпымъ
Глядитъ безъ глазъ,
Души не покинетъ.
Густѣетъ какъ дымъ,
И свѣтлый нашъ часъ
Темнѣетъ, стынетъ.

Ползетъ безъ ногъ,
Хватаетъ безъ рукъ,
Говоритъ безъ рѣчи.
И донынѣ не могъ
Умъ съ лукавствомъ наукъ
Избѣжать этой встрѣчи.

НАДЪ ВѢЧНОЮ СТРАНИЦЕЙ.

1.

Супругъ несчетныхъ инокинь,
Любовникъ грезы воспаленной,
Оазисъ внутреннихъ пустынь,
Твой образъ дивенъ, взоръ твой синь,
Ты свѣтъ и жизнь души смущенной.

Но если именемъ твоимъ
Тереза умѣряла стоны,
То имъ же обратили въ дымъ
Народы съ прошлымъ вѣковымъ,
Людей убили милліоны.

О, кто же, кто ты, зыбкій духъ?
Благословитель, или мститель?
Скажи мнѣ ясно, молви вслухъ.
Иль сводъ небесный вовсе глухъ?
Спаси меня! Вѣдь ты — Спаситель!

2.

Многоликій, ты мнѣ страшенъ,
Я тебя не понимаю
Ты идешь вдоль сѣрыхъ пашенъ
Къ ускользающему Раю.

Ты ведешь по переходамъ,
Гдѣ ужь нѣтъ намъ Аріадны.
Ты какъ свѣтъ встаешь подъ сводомъ,
Гдѣ въ Іюлѣ дни прохладны.

Ты звенишь въ тюрьмѣ жестокой
Монастырскими ключами.
Ты горишь, и ты высокій,
Ты горишь звѣздой надъ нами.

Но въ то время какъ сгораетъ
Узникъ дней, тобой зажженный, —
И тюремщикъ повторяетъ
То же имя, въ жизни сонной.

Но въ то время какъ свѣчами
Предъ тобою таютъ души, —
Ты вбиваешь съ палачами
Гвозди въ сердце, въ очи, въ уши.

И не видятъ, и не слышутъ,
И не чувствуютъ — съ тобою,
Кровью смотрятъ, кровью дышутъ,
Кровь зовутъ своей судьбою.

И схвативъ — какъ двѣ собаки
Кость хватаютъ разъяренно —
Крестъ схвативъ въ глубокомъ мракѣ,
Два врага скользятъ уклонно.

И твоей облитый кровью,
Крестъ дрожитъ, какъ коромысло,

Къ Свѣту-Слову, и къ присловью,
Липнетъ чудище, повисло.

Разлохматилось кошмаромъ,
Два врага безсмѣнно разны,
Старый міръ остался старымъ,
Только новы въ немъ соблазны.

Только крючья пытокъ новы,
Свѣжи красные разрывы.
Кто же, кто же ты, Суровый?
Кто ты, Нѣжный, кротче ивы?

3.

Чтобъ тебя понимать, я подъ ивую родную уйду,
Я укроюсь подъ тихую иву.
Надъ зеркальной рѣкой я застыну въ безгласномъ бреду.
Сердце, быть ли мнѣ живу?

Быть ли живу, иль мертву, — не все ли, не все ли равно!
Лишь исполнить свое назначенье.
Быть на глинистомъ срывѣ, упасть на глубокое дно,
Видѣть молча теченье.

Послѣ верхнихъ вѣтровъ замечтаться въ прозрачной средѣ,
Никакого не вѣдать порыва.
И смотрѣть, какъ въ Водѣ серебрится Звѣзда, и къ Звѣздѣ
Наклоняется ива.

КРУГОВОЙ ВЕРТЕПЪ.

Я въ лѣсу, бродя, увидѣлъ тайный склепъ.
Постучалъ неосторожно въ тотъ вертепъ.
Вышли духи. Говорятъ: Зачѣмъ стучалъ?
Въ круговомъ вертепѣ каждый мирно спалъ.

Встали духи, и глядятъ свѣтло и зло.
Восемь было ихъ, змѣиное число.
Окружилъ меня враждебный этотъ хоръ.
Съ нимъ навѣки неразлученъ я съ тѣхъ поръ.

Въ чащѣ бродимъ мы, должны блуждать мы въ ней.
Зацѣпляемся за всѣ шипы вѣтвей.
Ходимъ всюду, но рѣшеніемъ судебъ
Каждый вечеръ мы приходимъ въ круглый склепъ.

И опять, едва забрезжитъ, мы идемъ.
Мы повторнымъ устремляемся путемъ.
Въ мигѣ зрячій, въ суткахъ вѣчно взоръ нашъ слѣпъ.
Въ кругъ вступивъ, мы возвращаемся въ вертепъ.

Что я, гдѣ я, все равно мнѣ. Я усталъ.
Я давно кукушку слушать пересталъ.
Гдѣ бъ я ни былъ, не пройдешь, кружась, вертепъ.
Много ль жить мнѣ, мало ль жить, предѣлъ мой — склепъ.

ПРИЧАСТІЕ НОЧИ.

Полюбите слезы, въ васъ воскреснетъ смѣхъ.
Прикоснитесь боли, удалится грѣхъ.
Помолитесь Ночи, вамъ сверкнетъ Заря,
Съ свѣтлымъ, съ темнымъ сердцемъ свѣтомъ говоря.
Прикоснитесь къ Міру мыслію своей,
На касанье мысли — поцѣлуй лучей.
Поцѣлуй безгласный просіявшихъ глазъ,
Посмотрѣвшихъ ясно изъ души на насъ.
Причаститесь боли, это вѣрный путь,
Чтобъ на вольной волѣ глубоко вздохнуть.

СВѢТЪ ПРОРВАВШІЙСЯ.

1.

... Онъ упадалъ прорвавшимся лучомъ,
Онъ уводилъ въ невѣдомыя дали,
И я грустилъ, не вѣдая о чемъ,
И я любилъ вліяніе печали,
И плакали безгорестно глаза...

2.

... Надъ скалистою страной,
Надъ пространствомъ блѣдныхъ водъ,
Гдѣ съ широкою волной
Мысль въ созвучіи живетъ,
Гдѣ химерная скала
Громоздится надъ скалой,
Словно знакъ былого зла,
Мертвый крикъ вражды былой...

3.

... Хоть я любилъ тотъ край, тамъ не было полянъ,
Знакомыхъ съ дѣтства намъ плѣнительныхъ прогалинъ,
И потому, когда вечерній шелъ туманъ,
Я лунною мечтой былъ призрачно печаленъ,
И уносился вдаль...

4.

... Чей обликъ страшный надо мной?
Кто былъ убитъ здѣсь подъ Луной?

Кентавръ? Поморскій царь? Драконъ?
Ты сонъ какихъ былыхъ временъ?
Чей мѣткій такъ былъ золъ ударъ,
Что ты застылъ въ оковахъ чаръ?
Такъ въ смертный мигъ ты жить хотѣлъ,
Что тѣло между мертвыхъ тѣлъ,
Чрезъ сотни лѣтъ, свой ликъ былой
Хранитъ, взнесенный ввысь скалой...

5.

... Упоительныя тѣни,
Съ чѣмъ, о, съ чѣмъ я васъ сравню?
Звѣздоцвѣтныя сирени,
Вамъ ли сердцемъ измѣню?
Гдѣ бъ я ни былъ, кто бъ я ни былъ,
Но во мнѣ другой есть я.
Валъ морской въ безмѣрномъ прибылъ,
Но не молкнетъ звонъ ручья...

6.

... Онъ журчитъ, онъ журчитъ,
Ни на мигъ не замолчитъ,
Перемѣнится, вздохнетъ,
Замутитъ хрустальный видъ,
Но теченьемъ свѣтлыхъ водъ
Снова быстро заблеститъ,
Водный стебель шелеститъ,
И опять мечта поетъ,
Камень встанетъ, — онъ пробитъ,
Мигъ и часъ уходятъ въ годъ,
Гдѣ-то глыбы пирамидъ,

Гдѣ-то буря, громъ гремитъ,
Кто-то раненъ и убитъ,
Смерть зоветъ.
И безмѣрна тишина,
Какъ безмѣренъ былъ тотъ гулъ,
Въ рунномъ облакѣ Луна
Говоритъ, что міръ уснулъ,
Сердце спитъ,
Но воздушная струна,
Но теченье тонкихъ водъ,
Неуклонное, звучитъ,
И по разному зоветъ,
И журчитъ,
И журчитъ...

7.

... Непобѣдимое отчаянье покоя,
Неустранимое видѣнье мертвыхъ скалъ,
Молчанье Зодчаго, который, башню строя,
Вознесъ стремительность, но самъ съ высотъ упалъ.

Среди лазурности, которой нѣтъ предѣла,
Среди журчанія тончайшихъ голосовъ,
Узоръ разорванный, изломанное тѣло,
И нескончаемость безжалостныхъ часовъ.

Среди Всемірности, собой же устрашенной,
Надъ тѣломъ близкій духъ застылъ въ оковахъ сна,
И въ безпредѣльности, въ лазурности бездонной,
Неумолимая жестокая Луна...

НАШЪ ТАНЕЦЪ.

Nasz taniec, nasz taniec..
PRZYBYSZEWSKI.

Нашъ танецъ, нашъ танецъ — есть дикая пляска,
Смерть и Любовь.
Качанье, завязка — шептанье, развязка,
Нашъ танецъ, нашъ танецъ, когда жь ты устанешь, и
будетъ безмолвіе вновь?
Несказанность словъ, неизношенность чувства, теченье
мгновеній безъ скрипа минутъ,
Цвѣтовъ нераскрытость, замкнутыя очи, красивость
рѣсницъ и отсутствіе путъ.
Завѣсы безшумныя бархатной Ночи, бездонность затоновъ,
и свѣжесть глубинъ,
И тихая, тихая нѣжность, нѣжнѣе, чѣмъ стоны свирѣли и
плачъ мандолинъ.
Нашъ танецъ, нашъ танецъ — отъ края до края, нашъ
залъ сновидѣнный — небесная твердь,
Любовь насъ уводитъ, — о, злая, о, злая! — и манитъ насъ
добрая, добрая Смерть.

ОСЕНЬ.

Осень. Мертвый просторъ. Углубленныя грустныя дали.
Завершительный ропотъ, шуршащихъ листвою, вѣтровъ.
Для чего не со мной ты, о, другъ мой, въ ночахъ, въ ихъ печали?
Столько звѣздъ въ нихъ сіяетъ, въ предчувствіи зимнихъ снѣговъ.

Я сижу у окна. Чуть дрожатъ безпокойныя ставни.
И въ трубѣ, безъ конца, безъ конца, звуки чьей-то мольбы.
На лицѣ у меня поцѣлуй, — о, вчерашній, недавній.
По лѣсамъ и полямъ протянулась дорога Судьбы.

Далеко, далеко, по давнишней пробитой дорогѣ,
Заливаясь, поетъ колокольчикъ, и тройка бѣжитъ.
Старый домъ опустѣлъ. Кто-то блѣдный стоитъ на порогѣ.
Этотъ плачущій — кто онъ? Ахъ, листъ пожелтѣвшій шуршитъ.

Этотъ листъ, этотъ листъ... Онъ сорвался, летитъ, упадаетъ...
Бьются вѣтки въ окно. Снова ночь. Снова день. Снова ночь.
Не могу я терпѣть. Кто же тамъ такъ безумно рыдаетъ?
Замолчи. О, молю! Не могу, не могу я помочь.

Это ты говоришь? Самъ съ собой — и себя отвергая?
Колокольчикъ, вернись. Съ привидѣньями страшно мнѣ
быть.
О, глубокая ночь! О, холодная осень! Нѣмая!
Непостижность Судьбы: — Разставаться, страдать, и
любить.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ВОЗДУХЪ.

Какая грусть въ прозрачности Небесъ,
Въ бездонности съ единственной Звѣздою.
Изваянъ, отодвинутъ въ Вѣчность лѣсъ,
Удвоенный глубокою водою.

Изъ края въ край уходитъ длинный путь.
Хрустальный воздухъ холоденъ, безъ ласки.
О, Май, ужель ты былъ когда-нибудь?
Весь міръ — печаль застывшей блѣдной сказки.

ПРОЩАЙ.

Мнѣ жаль. Блѣднѣютъ лепестки.
Мнѣ жаль. Кругомъ все меньше свѣта.
Я вижу, въ зеркалѣ рѣки
Печаль въ туманности одѣта.

Зажглась Вечерняя Звѣзда,
И сколько слезъ въ ея мерцаньяхъ.
Прощай. Бездонно. Навсегда.
Застынь звѣздой въ своихъ рыданьяхъ.

ПОЛЯ ВЕЧЕРНІЯ.

Поля вечернія. Печальные закаты.
Холодность блѣдная осеннихъ облаковъ.
Въ грустящей памяти видѣнья тѣсно сжаты.
Созданья дней иныхъ и невозвратныхъ сновъ.

Тихонько сѣтуя, печалясь, и тоскуя,
Беззвучно шепчутся поблекшія мечты.
И словно чудится прощальность поцѣлуя
Въ туманномъ шествіи вечерней темноты.

СТВОРКИ РАКОВИНЪ.

Створки раковинъ я вижу на пескѣ.
Въ створкахъ раковинокъ кто-то жилъ когда-то.
Чайка бѣлая мелькнула вдалекѣ.
— Помнишь брата?
Чайка, помнишь? Чайка, помнишь? — Нѣтъ пути
Рѣчь вести со всѣмъ кругомъ, что такъ люблю я.
Лишь одно могу — узоры словъ сплести
Изъ стиховъ и поцѣлуя.

НЕ ПОГАСАЙ.

Не погасай, она сказала,
Твой свѣтъ восторгъ. Не погасай.—
О, нашей власти слишкомъ мало,
Чтобъ не уйти въ закатный край.

Закатъ алѣетъ нѣжной кровью,
И стынетъ въ безднѣ голубой.
Не плачь, припавши къ изголовью.
Я умеръ, пусть. Я былъ съ тобой.

ТѢЛЕСНОСТЬ.

О, храмъ изъ бѣлыхъ облаковъ,
    Изъ темныхъ тучъ, и тучекъ рдяныхъ,
Зачѣмъ порваться ты готовъ,
Не просіявъ и двухъ часовъ,
    Пока я медлю тутъ въ туманахъ?

Я ждалъ, я долго ждалъ и ждалъ,
    Моля мучительно бездонность,
Чтобъ пологъ Неба заблисталъ,
Чтобъ бѣлымъ онъ и алымъ сталъ,
    Чтобъ, наконецъ, зажглась червонность.

Она въ небесности зажглась,
    Она тѣлесностью блестѣла,
Но вотъ звѣзда, и день погасъ,
Глядитъ душа изъ грустныхъ глазъ,
    И міръ — какъ раненое тѣло.

ВОЗГЛАСЪ БОЛИ.

Я возгласъ боли, я крикъ тоски.
Я камень, павшій на дно рѣки.

Я тайный стебель подводныхъ травъ.
Я блѣдный обликъ рѣчныхъ купавъ.

Я легкій призракъ межь двухъ міровъ.
Я сказка взоровъ. Я взглядъ безъ словъ.

Я знакъ завѣтный, и лишь со мной
Ты скажешь сердцемъ: „Есть міръ иной“.

ЖИВОМУ ОТЪ ВѢЧНО ЖИВОГО.

Я по Землѣ прошелъ всей полнотой захвата
Приливно-рвущейся волны.
Душа другихъ людей всегда въ условьяхъ сжата,
Я безусловно вѣрилъ въ сны.

Я закрывалъ глаза, я опускалъ рѣсницы,
Я въ глубь души своей глядѣлъ.
Я лунно-спящимъ шелъ, и узкій край темницы
Въ безмѣрный обращалъ предѣлъ.

И больше нѣтъ меня. Я схороненъ навѣки.
Но ты, невѣдомый мнѣ братъ,
Пойми, и будь какъ я, и будешь ты какъ рѣки,
Какъ въ Море впавшій водопадъ.

ЗВѢЗДА КЪ ЗВѢЗДѢ.

О, Млечный Путь, о, Млечный Путь,
Поймемъ ли мы когда-нибудь,
Что только пламенный потокъ
Отъ безразличности далекъ.

О, сколько звѣздъ, тѣхъ грезъ-невѣстъ.
Отъ Скорпіона — въ Южный Крестъ,
Чрезъ символъ Арго — въ Оріонъ,
И дальше, дальше — въ вѣчный сонъ.

Звѣзда къ звѣздѣ, звѣзда съ звѣздой,
Потокъ всемірно-молодой.
Дорога душъ, дорога птицъ,
Дай быть мнѣ тамъ, гдѣ нѣтъ границъ.

БѢЛЫЙ ЗВОНЪ.

1.

Блѣдный ликъ одной Звѣзды
Чуть мерцаетъ, чуть горитъ.
Мѣсяцъ свѣтелъ гладь воды
Колыхаетъ, серебритъ.

Я не знаю, что со мной,
Не пойму я, что свѣтлѣй:
Блѣдный ликъ Звѣзды одной,
Или Мѣсяцъ въ снахъ лучей.

2.

Наступаетъ тишина.
Приходи побыть со мной,
Ангелъ Смерти, Ангелъ Сна,
Въ ликѣ бабочки ночной.

Дай прощальный поцѣлуй,
Разлучи меня съ тоской,
Въ ровный ропотъ сонныхъ струй
Вбрось и вздохъ послѣднiй мой.

Безъ упрека, безъ мольбы,
Проскользнемъ мы надъ Землей,
Ангелъ Смерти, духъ Судьбы,
Мы уйдемъ съ тобой домой.

3.

Хорошо скользить съ тобой,
Въ легкомъ звонѣ примиренья,
Надъ уснувшею Землей,
Какъ безгласное видѣнье.

Ночью вольно дышетъ грудь.
И звѣздится цвѣтъ сирени.
Кротко свѣтитъ Млечный Путь,
Тихой Вѣчности ступени.

Млѣетъ сумракъ голубой,
Чуть колышутся растенья.
Улетаетъ птичій рой,
Въ бѣломъ свѣтѣ восхожденья.

Ниспадаютъ лепестки,
И звѣзда порой сорвется.
Свѣтъ Бѣлѣющей Рѣки
Бѣлымъ звономъ отдается.

РАЗЪЕДИНЕННЫЕ.

Я давно полюбилъ мою душу,
Я замкнулъ ее въ свѣтлый свой домъ,
И ея тишины не нарушу,
Хоть несдержанъ въ блужданьи своемъ.

Я брожу межь людей только тѣломъ,
Я хожу между нихъ лишь какъ тѣнь,
Въ сладострастьи замру онѣмѣломъ,
Какъ охваченный страхомъ олень.

И какъ яркій встаю предъ толпою,
И какъ жалкій склонюсь подъ грозой,
Надъ фіалкой стою голубою,
Напою всѣ растенья росой.

И душа моя въ домѣ скучаетъ,
Моего возвращенія ждетъ,
И слезами свой ликъ расцвѣчаетъ,
И потерянъ алмазностямъ счетъ.

И душа такъ жалѣетъ, жалѣетъ
О моемъ безконечномъ пути,
Но покинуть чертогъ свой не смѣетъ,
И не смѣю я къ ней подойти.

ОДЕЖДА ДУШИ.

Какъ бы изъ ризы своея,
Душа блестящая моя,
Въ глубинный часъ, въ предпервый часъ,
Съ борьбой великой извлеклась
Изъ тѣла соннаго.
И стала подлѣ, и глядитъ,
Каковъ у этой ризы видъ,
И жаль ей тѣла своего,
Но бросить надобно его,
Для сна бездоннаго.

Надъ тихой полночью луговъ
Блуждаютъ сонмы огоньковъ,
Горятъ ночные мотыльки,
Полеты ихъ недалеки,
Близь тѣла соннаго.
Но ты, душа, но ты, душа,
Изъ тѣла къ вольности спѣша,
Не медли здѣсь, и въ путь иной
Умчись надземной вышиной,
Для сна бездоннаго.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗВОНЪ.

Хрустальные звоны, кристальность, уклоны,
Дрожанія свѣта въ мельканьяхъ тѣней.
Какіе въ васъ храмы? Какіе амвоны?
Въ какой литургіи горѣнье свѣчей?

Хрустальные звоны полей запредѣльныхъ,
И горъ, и озеръ, что мы видимъ во снѣ,
Въ лучахъ безконечныхъ, въ лучахъ колыбельныхъ,
При матовой снѣжно-вершинной Лунѣ.

Хрустальные звоны, побудьте со мною,
Вліянье видѣнья, меня не покинь.
Да буду всегда я, тамъ въ сердцѣ, съ Луною,
Съ красивой Луною небесныхъ пустынь.

КОСОГОРЪ.

Какъ я пришелъ на крутой косогоръ?
Какъ отошелъ отъ всего?
Лунностью полонъ небесный просторъ,
Вольно, воздушно, мертво.

Тихія, вѣчныя волны морей,
Волны морей голубыхъ.
Сердце, молчи, засыпай поскорѣй,
Въ лунности пѣсенъ нѣмыхъ.

Свѣтъ лиловатый застывшихъ цвѣтовъ
Зыбко слагаетъ вѣнцы.
Вѣщая сказка молчащихъ волчцовъ,
Мертвые дремлютъ волчцы.

ЭТО ЛИ?

Это ли смерть? Или сонъ? Или счастіе?
Рокотъ безмѣрный органнаго пѣнія.
Тайна великихъ затоновъ безстрастія.
Млѣніе вольное. Сладость забвенія.

Окна цвѣтныя застыли отъ холода,
Льдяныя, встали воздушной преградою.
Было ли? Умерло? Было ли молодо?
Было ли, стало ли новой отрадою?

Краски огнями горятъ необманными,
Сказки закрыли холодную твердь.
Сердце рыданьями дышетъ органными.
Это ли смерть?

УСНИ.

Дымящихся свѣтильниковъ предсмертные огни,
Дрожащіе, скользящіе, послѣдніе. Усни.

Мерцающія лиліи, пришедшій къ цѣли путь,
Пройденности, бездонности грозившія. Забудь.

Развязана запутанность, оконченъ счетъ съ людьми,
Предсказанность безмолвія идетъ къ тебѣ. Прими.

Возьми рукой притихшею воздушный жезлъ свѣчи,
Въ безгласности горѣнія сожги слова. Молчи.

Возвышенныя лиліи расцвѣтомъ смотрятъ внизъ,
И ждутъ въ благоговѣйности послѣдняго. Молись.

Ни шопота, ни ропота, въ зеркальномъ прошломъ дни,
Подходитъ Ночь безслезная, вся звѣздная. Взгляни.

ЗВѢЗДНОЕ ТѢЛО.

Страстное тѣло, звѣздное тѣло, звѣздное тѣло,
астральное,
Гдѣ же ты было? Чѣмъ ты горѣло? Что жь ты такое
печальное

Звѣздное тѣло, съ кѣмъ цѣловалось? Гдѣ лепестки
сладострастные?
Море шумѣло, Солнце смѣялось, искристы полосы
властныя.

Чудо-дороги. Къ свѣту отъ свѣта. Звѣзды въ ночахъ
караванами.
Очи и очи. Губы съ губами, пьяными, жадно-
румяными.

Гроздья сіяній, дрожи и смѣха. Слиты всѣ выси съ
низинами.
Сердце у сердца. Свѣтлое эхо. Дальше, путями
змѣиными.

Къ свѣту отъ свѣта. Радость одѣта мглою — игрой
многопѣнною,
Пѣсни поются, и пѣсня пропѣта, вѣкъ ли ей быть
неизмѣнною?

Часъ предразсвѣтный. Мы у предѣла. Ночь такъ кротка
въ непреклонности.
Страстное тѣло, звѣздное тѣло, мирно потонемъ въ
бездонности.

МАЙЯ

ЦВѢТОКЪ ЛИЛОВАТЫЙ.

Цвѣтокъ лиловатый свѣтло расцвѣталъ,
Когда я тебя повстрѣчалъ на пути.
Цвѣточная длинная чаша-бокалъ,
Въ которую можетъ пчела заползти.

Тихонько касаясь цвѣтныхъ лепестковъ,
Дрожала въ лучѣ золотистомъ пчела.
Два духа слились въ расширеньи зрачковъ,
Душа, отвѣчая, съ душою была.

Я быстро, забвенно тебя цѣловалъ.
И красочно пѣла, въ мечтаньи звеня,
Цвѣточная длинная чаша-бокалъ,
Въ причастіи Солнца, Любви, и Огня.

ЯРОВИТЪ.

Я богъ Яровитъ, я весенній, и ярый,
Я съ браннымъ щитомъ разсѣваю удары,
Я богъ твой, и я зажигаю пожары
Среди облаковъ грозовыхъ.
Я тотъ, кто лѣса одѣваетъ листвою,
Кто кроетъ луга и поля муравою,
Кто молніей яркой и травкой живою
Пугаетъ и нѣжитъ живыхъ.

Я богъ Свѣтловзоръ, распаленный и буйный,
Я въ вихряхъ являюсь, въ грозѣ многоструйной,
Въ цвѣтахъ, въ колокольчикахъ, буйный я, буйный,
Я въ хохотахъ, взрывахъ огня.
Я богъ Яровитъ, а иначе Ярило,
Я богъ твой, веселая вешняя сила,
Желай, чтобы мысль твоя бога любила,
Тотъ счастливъ, кто любитъ меня.

МІРОВАЯ КРАСОТА.

Царь-Огонь съ Водой-Царицей —
Міровая Красота.
Служитъ День имъ бѣлолицый,
Ночью нѣжитъ темнота,
Полумгла съ Луной-Дѣвицей.
Имъ подножье — три кита.

Безпредѣльность Океана
Учитъ умъ лелѣять ширь.
Превращаетъ въ садъ Морана
Свой кладбищенскій пустырь.
Въ серебристостяхъ тумана
Рдѣетъ камень Алатырь.

По лѣсной глухой дорожкѣ
Изумрудный вьется Змѣй.
Тамъ избушка курьи ножки,
Тамъ Яга, и тамъ Кощей.
Тамъ Царьки крутые рожки,
Тамъ Жаръ-Птица, жизнь очей.

Сѣрый волкъ горитъ глазами,
Земляники кустъ измятъ.
Плачутъ дѣвушки ночами,
Днемъ у нихъ же свѣтелъ взглядъ.
Царь сіяетъ въ вѣчномъ храмѣ,
А Царицу рѣки мчатъ.

Міръ двойной, и міръ единый,
Будто грѣхъ, а нѣтъ грѣха.
Предъ немеркнущей картиной
Литургія сновъ тиха.
Пламень въ Книгѣ Голубиной,
Пѣнье стройнаго стиха.

ИЗЪ СТРАНЫ КВЕТЦАЛЬКОАТЛЯ.

Братья мыслей, вновь я съ вами, я, проплывшій
океаны,
Я, прошедшій срывы, скаты голыхъ скалъ и снѣжныхъ
горъ,
Гордый жаждою увидѣть вѣчно-солнечныя страны,
Я принесъ для звучныхъ пѣсенъ новый красочный
уборъ.

Я спою вамъ, часъ за часомъ, слыша вой и свистъ
мятели,
О величіи надменномъ вулканическихъ вершинъ,
Я спою вамъ о колибри, я спою нѣжнѣй свирѣли,
О странѣ, гдѣ съ горъ порфирныхъ смотритъ кактусъ-
исполинъ.

О странѣ, гдѣ въ чащѣ лѣса расцвѣтаютъ орхидеи,
Гдѣ полями завладѣли глянцевитости агавъ,
Гдѣ проходятъ ягуары, гдѣ шуршатъ подъ пальмой
змѣи,
Гдѣ гремятъ цикады къ Солнцу, межь гигантскихъ
пышныхъ травъ.

О странѣ, гдѣ міръ созвѣздій предстаетъ инымъ
узоромъ,
Гдѣ сіяетъ каждый вечеръ, символъ жизни, Южный
Крестъ,
Гдѣ высоко, въ странномъ небѣ, опрокинуто предъ
взоромъ
Семизвѣздье Скандинавовъ, Ursa Major льдяныхъ
мѣстъ.

Слыша сѣверныхъ мятелей стоны, бреды, вскрики,
шумы,
Въ часъ радѣній нашихъ зимнихъ, при мерцаніи
свѣчей,
Я васъ вброшу въ дождь цвѣточный изъ владѣній
Монтезумы,
Изъ страны Кветцалькоатля, изъ страны крылатыхъ
змѣй.

МОЛИТВА КЪ СОЛНЦУ.

Солнце, Солнце, ты Богъ!
Безумцы гласятъ, будто ты есть небесное тѣло,
Будто ты только ликъ Божества.
Напрасны слова,
Прекрасна лишь страсть безъ предѣла,
Лишь счастье, лишь дрожь сладострастья, лишь
сердце, горѣніе, вздохъ.
О, Солнце, ты яростный Богъ!
О, Солнце, ты ласковый Богъ!

Ты сжигаешь степныя пространства,
Зажигаешь всѣхъ смуглыхъ людей,
Ты горишь, и лучисто твое постоянство,
Блѣдноликаго жарко пьянишь вовлеченьемъ въ легенду
страстей.
Ты горишь, ты горишь безъ конца,
Ты поешь, и рождаются струны,
И поютъ, и колдуютъ сердца,
И красиво блаженство лица,
И влюбленность есть праздникъ души, праздникъ
свадьбы, сверкающе-юный.

Солнце, о, Солнце, ты Богъ золотой,
Дай чарованія снова и снова,
Хмѣля еще, горячо-золотого,
Дай мнѣ упиться твоею мечтой.
Солнце, я твой, всѣ прошелъ я обманы,
Всѣ миновалъ я круги,
Солнце, возьми меня въ горнія страны,
Солнце, сожги!

У МАЙСКИХЪ РАЗВАЛИНЪ.

Еще не погасла Луна,
Но свѣтитъ румянцемъ разсвѣтъ.
И ярко Венера видна,
Царица блестящихъ планетъ.

Созданья великихъ вѣковъ,
Застыли руины Уксмаль.
Воздушны края облаковъ,
Безбрежна пустынная даль.

Здѣсь жили когда-то цари,
Здѣсь были жрецы пирамидъ.
Смотри, о, мечтанье, смотри,
Здѣсь жемчугъ легенды горитъ.

Здѣсь чудится памятный стихъ
О снѣ, что въ столѣтьяхъ исчезъ.
Пропѣлъ, и, изваянъ, затихъ,
Подъ тройственнымъ свѣтомъ Небесъ.

Въ безгласьи сѣдѣющихъ плитъ
Узорныя думы молчатъ.
И только немолчно звучитъ
Стоустое пѣнье цикадъ.

ИЗУМРУДНАЯ ПТИЦА.

Kat yacunah ma ya ma va.
МАЙСКІЯ ПИСЬМЕНА.

Въ Паленке, межь руинъ, гдѣ Майская царица
Велѣла изваять безсмертныя слова,
Я грезилъ въ яркій зной, и мнѣ приснилась птица
Тѣхъ дней, но и теперь она была жива.

Вся изумрудная, съ хвостомъ нарядно-длиннымъ,
Какъ грезы — крылышки, ее зовутъ Кветцаль.
Она живетъ какъ сонъ, въ горахъ, въ лѣсу пустынномъ,
Чуть взглянешь на нее — въ душѣ поетъ печаль.

Красива птица та, въ ней вешній цвѣтъ наряда,
Въ ней тонко-нѣжно все, въ ней сказоченъ весь видъ.
Но какъ колодецъ — грусть ея нѣмого взгляда,
И чуть ей скажешь что — сейчасъ же улетитъ.

Я грезилъ. Сколько лѣтъ, вѣковъ, тысячелѣтій,
Сказать бы я не могъ — и для чего считать?
Мнѣ мнилось, межь могилъ, рѣзвясь, играютъ дѣти,
И изумрудъ Кветцаль не устаетъ блистать.

Гигантской пеленой переходило Море
Изъ края въ край Земли, волной росла трава.
Вдругъ дрогнулъ изумрудъ, и на стѣнномъ узорѣ
Прочелъ я скрытыя въ ваяніи слова: —

„О, ты грядущихъ дней! Коль умъ твой разумѣетъ,
„Ты спросишь: Кто мы? — Кто? Спроси зарю, поля,
„Волну, раскаты бурь, и шумъ вѣтровъ, что вѣетъ,
„Лѣса! Спроси любовь! Кто мы? А! Мы — Земля!“

ОРХИДЕЯ.

Я былъ въ тропическихъ лѣсахъ,
Я ждалъ увидѣть орхидеи.
О, эти стебли точно змѣи,
Печать грѣха на лепесткахъ.

Того, что здѣсь грѣхомъ зовется,
Во мглѣ мѣщанствующихъ дней.
О, гроздья жадныхъ орхидей,
Я видѣлъ, какъ вашъ стебель вьется.

Въ переплетенности стволовъ
Другъ друга душащихъ растеній,
Среди пьянящихъ испареній,
Я рвалъ любовный цвѣтъ грѣховъ.

Склонясь надъ чашей поцѣлуйной,
Въ раскатномъ рокотѣ цикадъ,
Вдыхалъ я тонкій сладкій ядъ,
Лелѣйно-зыбкій, многоструйный.

Какъ будто чей-то нѣжный ротъ,
Нѣжнѣй, чѣмъ бредъ влюбленной феи,
Вотъ этотъ запахъ орхидеи
Пьянитъ, пьянитъ, и волю пьетъ.

ЗЕРКАЛО.

Я зеркало ликовъ земныхъ
И собственной жизни бездонной.
Я все вовлекаю въ свой стихъ,
Что взглянетъ въ затонъ углубленный.

Я властно маню въ глубину,
Гдѣ каждый воздушно-удвоенъ,
Гдѣ всѣ причащаются сну,
Гдѣ даже уродливый строенъ.

Тяжелая поступь живыхъ,
Предъ глубью мѣняясь, слабѣетъ.
Радѣніе силъ неземныхъ
Незримо, но явственно рѣетъ.

Душа ощущаетъ: „Тону“,
Глаза удивляются взору.
И я предаю тишину
Запѣвшему въ вѣчности хору.

ЗМѢИНОЕ ОТРОДЬЕ.

У Тифона на плечахъ
Сто головъ дракона.
Много блесковъ въ ихъ очахъ,
Дышетъ ревъ, и дышетъ страхъ,
На плечахъ Тифона.

Чу, мычанія быка,
Свистъ стрѣлы летящей,
Глотка львиная громка,
Песъ рычитъ изподтишка,
Вотъ завылъ, грозящій.

Съ оживленныхъ этихъ плечъ
Все Тифону видно,
Столкновенье вражьихъ встрѣчъ,
Онъ ведетъ съ женою рѣчь,
Слушаетъ Ехидна.

Горго-сынъ къ нему склоненъ,
Соучастникъ въ хорѣ,
И шуршитъ семья Горгонъ,
Двѣстиглазый ликъ Драконъ,
Свисты змѣй на морѣ.

НА ПИРАМИДѢ УКСМАЛЬ.

Свободна воля человѣка,
Разгульно бѣшенство страстей.
Спроси безумнаго Ацтека,
Спроси о цвѣтѣ орхидей.

О томъ, какъ много вспышекъ жадныхъ
Среди тропическихъ лѣсовъ.
О жатвахъ міра, странныхъ, страдныхъ,
Подъ громъ небесныхъ голосовъ.

Непостижимые изломы
Въ сердцахъ жрецовъ и палачей,
Разрывы, молніи, и громы,
И кровь, хмѣльная отъ лучей.

И кровь, и кровь, своя, чужая,
На высяхъ стройныхъ пирамидъ,
Гдѣ, свѣточъ безднъ, донынѣ, злая
Агава, хищный цвѣтъ, горитъ.

ПОДЪ ТѢНЬЮ КРЫЛЬЕВЪ.

Весьма давно, Отцы людей
Въ Странѣ Зеленыхъ Елей были,
Весьма давно, на утрѣ дней,
Смуглились лица всѣхъ отъ пыли.

Вапанэлева былъ вождемъ,
Людей сплотилъ онъ въ дикомъ краѣ,
Онъ Бѣлымъ-Бѣлымъ былъ Орломъ,
Онъ былъ владыкой цѣлой стаи.

Они пришли на Островъ Змѣй,
И отдохнули тамъ на склонахъ,
Весьма давно, на утрѣ дней,
Пришли на Островъ Змѣй Зеленыхъ.

И каждый былъ безстрашный мужъ,
И зорокъ былъ, и чутокъ каждый,
То было Братство Дружныхъ Душъ,
Проворныхъ душъ, томимыхъ жаждой.

Вапанэлева первымъ былъ,
Но въ Небѣ скрылся Бѣлокрылый,
За нимъ царемъ былъ Колливилъ,
Красиволикій, мощь надъ силой.

И Змѣи съ жалами пришли
Нагроможденьемъ изумруда,
Но растопталъ ихъ всѣхъ въ пыли,
Свершилъ Красиволикій чудо.

Но такъ какъ Небо — красота,
Красиволикій скрылся въ тучахъ.
И сонмы къ намъ иныхъ Могучихъ
Спустились съ горнаго хребта.

Янотови, Свершитель правый,
И Птица Снѣжная, Чилиль,
И много ихъ, вѣнчанныхъ славой,
И много ихъ, чье имя — быль.

Когда владыки отходили,
Царя смѣнялъ достойный царь,
Чередъ давала сила силѣ,
И было вновь, какъ было встарь.

Восточный край былъ Краемъ Рыбы,
Закатный край былъ Край Озеръ,
И всѣ мельчайшіе изгибы
Въ горахъ и въ Морѣ видѣлъ взоръ.

Малѣйшій звукъ былъ живъ для слуха,
Считались дальніе шаги,
Къ родной землѣ прижавши ухо,
Мы точно знали, гдѣ враги.

Подъ тѣнью крыльевъ мы ходили,
Средь говорившихъ намъ стеблей.
Тотъ сонъ горѣлъ въ великой были,
Весьма давно, въ потокѣ дней.

КОЛДУНЪ.

Тяжелъ онъ не былъ, но высокъ,
Былъ полонъ думъ онъ безотвѣтныхъ,
И звался между Красноцвѣтныхъ,
Колдунъ, глядящій на Востокъ.

Онъ не писалъ узорныхъ строкъ,
Онъ не чертилъ гіероглифовъ,
Но много онъ оставилъ миѳовъ,
Колдунъ, глядѣвшій на Востокъ.

И онъ теперь отъ насъ далекъ,
Но, если возникаетъ тайна,
Мы знаемъ, былъ онъ не случайно,
Колдунъ, глядѣвшій на Востокъ.

И если молвишь ты намекъ,
Въ которомъ сердце сердца дышитъ,
Онъ здѣсь, мы знаемъ, насъ онъ слышитъ,
Колдунъ, глядящій на Востокъ.

ВОЖДИ КРАСНОЦВѢТНЫХЪ.

Одинъ звался — Любимый,
Онъ строилъ города,
Другой былъ — Скрытый въ дымы,
А третій былъ — Звѣзда.

Глядящій прозорливо,
Могучій Волкъ племенъ,
При немъ взростала нива,
Хотя былъ хищникъ онъ.

Нѣмая Память, Цѣльный,
Ныряющій до дна,
Зеленоглазъ Свирѣльный,
Знамена - имена.

Лазоревая Птица,
Захватистая Рысь,
Весельщикъ водъ, Зарница,
Какъ Боги вы сошлись.

Ступающій безгласно,
Поющая Змѣя,
Вы, мыслившіе страстно,
Вы, ласка бытія.

ПЕРИСТЫЙ ПЕРСТЕНЬ.

Колибри, малая Жаръ-Птица,
Рожденье Воздуха и грезъ,
Крылато-быстрая зарница,
Цвѣтная лакомка мимозъ.

Ты нѣжный перстень, ожерелье,
Перистый вѣнчикъ, золотой,
На свадьбѣ вольнаго веселья
Съ воздушно-пряною мечтой.

Колибри, малая Жаръ-Птица,
Ты фея въ царствѣ орхидей,
Ты Мексиканская царица,
И ты сильнѣе всѣхъ царей.

Промчались битвенные шумы,
И рой царей исчерпанъ весь,
И нѣтъ Ацтекамъ Монтезумы,
А ты, Колибри, здѣсь какъ здѣсь.

МЕКСИКАНСКІЙ ВЕЧЕРЪ.

Заснулъ Чапультепекъ, роскошный паркъ Ацтековъ,
Растоптанныхъ въ борьбѣ за красные цвѣты.
Затихъ напрасный шумъ повторныхъ человѣковъ.
Созвѣздья дружныя сіяютъ съ высоты.

О чемъ ты думаешь, печальница нѣмая,
Ты, переплывшая Атлантику со мной,
Ты, встрѣтившая дни единственнаго Мая,
Какъ Море лучъ Луны — ласкающей волной.

Мы здѣсь съ тобой одни, намъ ближе тѣнь Кортеса,
Чѣмъ призраки друзей въ туманностяхъ Земли.
Къ намъ зовы не дойдутъ изъ Сѣвернаго лѣса,
Все, намъ привычное, растаяло вдали.

Воспоминанія, что призрачно-угрюмы,
Да не возстанутъ вновь изъ-за громады водъ.
Здѣсь агуэгуэтль, любимецъ Монтезумы,
Своей сѣдой листвой сложился въ мирный сводъ.

Воздушный вѣтерокъ въ вѣтвяхъ шуршитъ напѣвно,
Уйдемъ отъ нашихъ думъ, всецѣло, въ наши сны.
Вечерней Мексики лучистая царевна,
Венера манитъ насъ съ прозрачной вышины.

Богиня съ прядями волосъ лучисто-длинныхъ,
Венера влюблена по-прежнему въ любовь,
И шлетъ намъ свѣтлый зовъ изъ тучекъ паутинныхъ: —
Горите, вы вдвоемъ, любите вновь и вновь.

А Ицтаксигуатль, вѣнчанная снѣгами,
И Попокатепетль, въ уборѣ изъ снѣговъ,
Свой горный и земной возносятъ ликъ предъ нами: —
Любите, вы вдвоемъ, довѣрьтесь власти сновъ.

ДОВРЕМЕННАЯ.

1.

Ты любишь только вѣрныя слова,
Ты видишь только вѣчныя сіянья,
Живешь, какъ первозданная листва,
Какъ первыхъ травъ роса и трепетанья.

Въ твоихъ глазахъ глубинный изумрудъ
Волны, узнавшей зыбь и высь впервые.
Ты съ нами, здѣсь, ты свѣтишься, вотъ тутъ,
Но между нами бездны вѣковыя.

2.

Помню, какъ ты въ первый разъ
Въ нашемъ зримомъ мнѣ предстала.
Это былъ вечерній часъ,
Раздѣляли люди насъ,
Но отъ глазъ до дальнихъ глазъ
Вдругъ незримость проблистала.

Съ кѣмъ тогда я говорилъ?
Я не помню. Съ безъимяннымъ.
Вдругъ въ душѣ я ощутилъ
Точно дальній звонъ кадилъ,
Умъ внезапно схваченъ былъ
Угаданьемъ слишкомъ страннымъ.

Я какъ въ сказкѣ поднялъ взоръ,
Я, глядя, застылъ какъ въ сказкѣ.
Простъ и строгъ былъ твой уборъ,
Вмигъ я вспомнилъ храмъ и хоръ,
Наша встрѣча — съ давнихъ поръ,
Рѣшена въ иной завязкѣ.

Помню, помню, ликъ Луны,
Надъ садами Атлантиды;
Островъ Вѣрныхъ; помню сны
Той Халдейской вышины;
Лабиринты, крутизны;
Строгость траурной Изиды.

Гдѣ-то, гдѣ-то — сердце, гдѣ? —
Въ этомъ, вмигъ живомъ. Когда-то,
Звѣзды плыли по водѣ,
Но, одной молясь Звѣздѣ,
Мы разстались, чтобъ вездѣ
Было сердце болью сжато.

И дрожала въ насъ тоска,
И въ безмѣрности печали,
Умирали мы вѣка,
Сохла, вновь была рѣка —
Гдѣ ты? Какъ ты далека!
Гдѣ ты? — Глазъ глаза искали.

И обманностью свѣтясь,
Многократно погасая,
Жилъ изъ вѣка въ вѣкъ алмазъ,

Но Звѣзда связала насъ: —
Ты моя на этотъ разъ!
Твой! — Порвалась цѣпь ночная.

Это я тебя убилъ
На высокомъ теокалли.
Я убитъ тобою былъ
Въ битвѣ равныхъ вѣчныхъ силъ.
Жизни цвѣтъ надъ тьмой могилъ,
Все я вижу, какъ въ кристаллѣ!

ЛЮБОВЬ.

Ты непостижная — какъ сонъ,
Моя любовь, любовь.
Твой голосъ эхомъ повторенъ,
И вновь къ любви — любовь.

Я не могу въ душѣ найти
Сравненій для очей,
Что стали звѣздами въ пути,
И манятъ въ міръ лучей.

Я не могу постичь очей,
Исчерпать этотъ взглядъ,
Въ нихъ излученіе ночей,
Въ нихъ звѣзды говорятъ.

Въ нихъ океанская волна,
Фіалки цвѣтъ лѣсной,
Глубинъ небесныхъ тишина,
Что спитъ — передъ грозой.

Въ нихъ зовъ къ морямъ безъ береговъ,
И безъ пути назадъ,
Напѣвность рунъ въ странѣ враговъ,
Свѣтящійся агатъ.

Въ нихъ глубь таинственныхъ криницъ,
    Гдѣ спитъ неспѣтый стихъ,
Въ нихъ рой вѣковъ, въ нихъ крылья птицъ,
    И взмахъ рѣсницъ густыхъ.

Въ нихъ тайный свѣтъ со всѣхъ могилъ,
    Въ нихъ всей Земли стезя.
Но что бы я ни говорилъ,
    Ихъ разсказать нельзя.

И что бы я ни помянулъ,
    Въ душѣ прорвется вновь,
Какъ бы снѣговъ нагорныхъ гулъ,
    Любовь — одна Любовь.

ЗМѢИНОЕ ЧИСЛО.

Восемь лучистыхъ планетъ,
Дважды четыре явивъ,
Да расцвѣтивши и нѣтъ,
Въ змѣйный сложились извивъ.

Какъ онъ пѣвуче-красивъ,
Какъ разноцвѣтно-хорошъ.
Сколько желтѣющихъ нивъ,
Какъ зазвѣздилася рожь.

Восемь, тебя не поймешь,
Можно тебя лишь любить.
Правда-ли ты или ложь,
Звѣздно ты выткало нить.

Восемь, тебя сохранить
Вѣчность велитъ мнѣ, жезломъ.
Душу велитъ опьянить,
Этимъ змѣинымъ числомъ.

Восемь безсмертныхъ планетъ,
Два и четыре явивъ,
Тьму показали и свѣтъ,
Бурю стихій расцвѣтивъ.

Какъ онъ змѣино-красивъ,
Этотъ узывчивый хоръ,
Въ звеньяхъ ростущій порывъ,
Встрѣчныхъ страстей разговоръ.

Все сочетавши въ узоръ,
Въ полный баюканья плѣнъ,
Жемчугъ бросаютъ въ просторъ
Восемь поющихъ сиренъ.

Счастье и сладость измѣнъ,
Въ рдѣніи вѣчно-живомъ,
Замокъ безъ кровли и стѣнъ,
Сжатый змѣинымъ числомъ.

РОЗЫ.

Я видѣлъ много красныхъ розъ,
И розъ воздушно-алыхъ.
И Солнце много разъ зажглось
Въ моей мечтѣ, въ опалахъ.
Въ опальной лунной глубинѣ,
Въ душѣ, гдѣ вѣчный иней.
И много разъ былъ дорогъ мнѣ
Цвѣтъ Неба темно-синій.

Я видѣлъ много алыхъ розъ,
И розъ нагорно-бѣлыхъ.
И много ликовъ пронеслось
Въ умѣ, въ его предѣлахъ.
Мнѣ дорогъ умъ, какъ вѣчный кладъ,
Какъ полнота объема.
Но робко ласки въ немъ журчатъ,
И грубъ въ немъ голосъ грома.

Не разъ въ душѣ вставалъ вопросъ,
Зачѣмъ я вѣчно въ тайнахъ: —
Отъ бѣлыхъ розъ до черныхъ розъ,
И желтыхъ, нѣжно-чайныхъ.
Но только въ Индіи святой
Все понялъ я впервые: —
Тамъ полдень — вѣчно-золотой,
Тамъ розы — голубыя.

ВОЗЗВАНЬЕ КЪ БОГАМЪ.

Богъ Голубого Покрова,
Съ опушкой изъ бѣлыхъ снѣговъ,
Океанъ, повѣдай мнѣ слово,
Таящее сказку вѣковъ.

Богиня Одеждъ Изумрудныхъ,
Праматерь кошмарныхъ дней,
Колдунья сновъ безразсудныхъ,
Земля, говори же яснѣй.

Богъ Одеждъ Златоцвѣтныхъ,
Немеркнущій желтый цвѣтъ,
Радость дней безотвѣтныхъ,
Солнце, дай мнѣ отвѣтъ.

Богиня Одеждъ Опальныхъ,
Колдунья блѣдныхъ тѣней,
Вѣдунья рунъ изначальныхъ,
Луна, будь блѣднѣй, но нѣжнѣй.

Богиня Волосъ Лучистыхъ,
Царица двойной высоты,
Венера, изъ далей сквозистыхъ
Скажи, гдѣ тайникъ Красоты.

Такъ съ болью, отъ вѣка до вѣка,
Я къ Богамъ и Богинямъ взывалъ.
Но, смѣясь надъ мольбой Человѣка,
Потоплялъ меня плещущій валъ.

Земля мнѣ волчцы разстилала,
И вонзались мнѣ въ руки шипы.
И опять возникало начало,
Безконечность пустынной тропы.

И блуждала преступная сила,
И не разъ меня Солнце сожгло,
И Луна меня обольстила,
Завлекла, хоть свѣтила свѣтло.

Лишь одна мнѣ осталась Богиня,
Царица двойной высоты,
Венера, и съ нею пустыня,
И ужасъ одной Красоты.

БАГРЯНЕЦЪ.

Что тебѣ, мечтанье, надо,
Чтобъ отъ будней отдохнуть?
— Лишь не это. Что-нибудь.
Въ чуждыхъ странахъ дальній путь.
Многоцвѣтность. Колорадо.
Горъ пурпуровыхъ узоръ,
Съ ихъ нежданностью уступовъ.
Видъ — о, видъ хотя бы труповъ,
Лишь не братьевъ съ давнихъ поръ.
Пусть хотя бъ тигриный взоръ,
Но не добрый взоръ участья,
Утомившій какъ ненастье,
Какъ осеннихъ капель хоръ.
Вновь, какъ въ дѣтствѣ, вѣдать счастье,
Что въ Природѣ ты одинъ,
И какъ яркія запястья,
Какъ касанья сладострастья,
Чуять цвѣтъ иныхъ долинъ,
Гордость красочныхъ растеній,
Цвѣтъ багряныхъ сновидѣній,
Вспышку Майи, Колоринъ.

ЖЕНЩИНА - ЗМѢЯ.

Межь всѣхъ цвѣтовъ цвѣтокъ найдется,
Что лучшимъ кажется цвѣткомъ.
Межь пѣсенъ — вѣщая поется,
Межь вскриковъ — Небо знаетъ громъ.
Есть Витцлипохтли межь Богами,
Онъ самый страшный Богъ надъ нами,
Мечомъ онъ бьетъ, и жжетъ огнемъ.

Среди цвѣтовъ есть цвѣтъ агавы,
И сокъ его есть пьяность силъ,
Тотъ сокъ, исполненный отравы,
Кветцалькоатля опьянилъ.
И межь огней есть дивно-синій,
И межь Богинь — съ одной Богиней
Нашъ духъ не тщетно связанъ былъ.

Какъ между птицъ есть лебедь бѣлый,
Такъ Цигуакоатль, Змѣя,
Придя въ Ацтекскіе предѣлы,
Являла бѣлость бытія.
Ея движенья были нѣжны,
Ея одежды были снѣжны,
Ея воздушность — какъ ничья.

Но, если только въ темной ночи
Вставалъ тотъ нѣжно-бѣлый свѣтъ,
Восторгъ кого-то былъ короче,
И кто-то зналъ, что счастья нѣтъ.
И кто-то былъ въ переполохѣ,
И проносились въ высяхъ вздохи,
Какъ будто мчался Призракъ Бѣдъ.

И каждый зналъ, что часъ урочный
Закончилъ цѣлый рядъ судьбинъ.
И плакалъ воздухъ полуночный,
И души плакали низинъ.
То Цигуакоатль летѣла,
Змѣя, чье нѣжно было тѣло,
Она же — Матерь, Тонантцинъ.

И гдѣ всего сильнѣй шумѣли
Порывъ и стоны бытія,
Тамъ находили, въ колыбели,
Въ пеленкахъ, остріе копья.
И это было какъ святыня,
И знали, вотъ, была Богиня,
Была здѣсь Женщина-Змѣя.

ТЕЦКАТЛИПОКА.

Тецкатлипока, Богъ, нигдѣ
Не возникающій для взгляда,
Хотя онъ шествуетъ вездѣ,
На Небесахъ, въ исподахъ Ада,
И по Землѣ, и по Водѣ.
Глядящій пристально, и стройный,
Не гнется въ край добра, ни зла,
Но, жизнь любя, онъ любитъ войны,
И хочетъ, чтобъ жила стрѣла.
И потому онъ духъ раздора,
И онъ дразнитель двухъ сторонъ,
Чтобъ блескомъ вспыхнувшаго взора
Былъ мигъ текущій озаренъ.
Чтобъ трепетало пламя гнѣва
Чтобъ въ звукахъ браннаго напѣва
Былъ стукъ мечей, и свистъ копья.
Чтобы рыдала звонко дѣва
Надъ краснымъ цвѣтомъ Бытія.

ТЛАЛОКЪ.

Тлалокъ, Тлалокъ,
Стада привлекъ,
Стада тумановъ сбилъ и спуталъ.
Небесный сводъ былъ пустъ, широкъ,
Но встало облачко, намекъ,
И тучей весь онъ міръ облекъ,
И онъ грозой весь міръ окуталъ,
И у цвѣтовъ, румянясь, рты
Раскрылись, жаркіе отъ жажды,
И пили жадные цвѣты,
И былъ въ блестящихъ брызгахъ каждый,
Былъ въ страсти красочный цвѣтокъ,
Былъ въ счастьи каждый лепестокъ, —
И, влажный, въ молніяхъ смѣялся,
Отважный, въ мірѣ быстро мчался,
Въ лугахъ и въ Небѣ расцвѣчался
Тлалокъ, Тлалокъ.

КВЕТЦАЛЬКОАТЛЬ.

Изумрудно-перистый Змѣй,
Изумрудно-перистый,
Рождающій дождь голосистый,
Сверканія цѣнныхъ камней,
Пролетающій въ рощѣ сквозистой,
Среди засіявшиихъ вѣтвей,
Веселый, росистый,
Змѣй!

Обвивающій звеньями рвущейся тучи,
Необъятный, весь небосклонъ,
Властелинъ четырехъ сторонъ,
Затемняющій горныя кручи,
Озаряющій молніей ихъ,
Крестообразнымъ огнемъ,
Смѣхомъ секундъ огневыхъ,
Смѣхомъ, звучащимъ какъ громъ,
Рождающій между вѣтвей
Шелесты, шорохъ, и звонъ,
Властелинъ четырехъ сторонъ,
Изумрудно-перистый Змѣй!

Міровой Чародѣй,
Возжеланьемъ своимъ
Ты на Сѣверъ, на Югъ,

На Востокъ, и Закатъ,
Заковавши ихъ въ кругъ,
Чарованье пошлешь, въ темныхъ тучахъ агатъ
Загорится — и чу,
Полновѣсныя капли, въ ихъ пляскѣ гремятъ,
Точно выслалъ ты въ міръ саранчу,
Веселятся всѣ страны,
Обсидіаны,
Заостренныхъ въ разрывахъ, густыхъ облаковъ
Разъялись въ сверканьи лазурно-зеленомъ
Подъ звеньями Змѣя, который летитъ
небосклономъ.

Міровой Чародѣй,
Дуновеньемъ своимъ
Ты дорогу метешь для Боговъ Воды,
И скопивъ облака, ихъ сгустивши какъ дымъ,
Одѣваешься въ яркость Вечерней Звѣзды.
Возвѣщаешь сліянье двухъ свѣтовъ земныхъ,
Изумрудно-перистый, зеленый,
Ты поешь лучезарнымъ дрожаніемъ стихъ,
И на вешніе склоны
Вечеръ спускается, нѣженъ и тихъ,
Ночи рождаются дальніе звоны,
Дня завершаются ропоты, шопоты, сказки огней
и тѣней,
Свѣтится жемчугъ, зеркальность, затоны,
Зыби отшедшаго Дня все темнѣй,
Ночь все яснѣй отъ небесныхъ огней,
Богъ лучезарный двойного начала,
Богъ проплываетъ въ озерахъ опала,
Змѣй!

ОНЪ КОТОРЫЙ.

Онъ, который опрокинулъ
Свой лучистый ликъ,
Онъ, который міръ раздвинулъ,
Въ часъ какъ къ Ночи День поникъ,
Онъ, который міръ Пустыни,
Міръ Небесъ, гдѣ вѣчно, нынѣ,
Вѣчно тонетъ каждый крикъ,
Превратилъ во храмъ глубокій,
Въ сводъ святыни звѣздоокой
Взоромъ пристальнымъ проникъ,
Онъ, что въ шапкѣ звѣздочета
Ясно видитъ Верхъ и Низъ,
Онъ, всемірный, звѣздный Кто-то,
Передъ кѣмъ міры зажглись,
Онъ, волшебный, онъ, который
Видитъ глубь, и видитъ взоры,
Глянулъ. Тише. Глянь. Молись.

ГОЛУБАЯ ЗМѢЯ.

Голубая Змѣя съ золотой чешуей,
Для чего ты волнуешь меня?
Почему ты какъ Море владѣешь Землей,
И кругомъ предстаешь какъ Эѳиръ міровой,
Съ безконечной игрою Огня?

Почему, для чего, Голубая Змѣя,
Ты горишь милліонами глазъ?
Почему безконечная сказка твоя,
Эти звенья, горѣнье, и мгла Бытія
Удушаютъ, возжаждавшихъ, насъ?

Мы едва захотимъ, Голубая Змѣя,
Какъ желанью ты ставишь предѣлъ.
Зашуршитъ, загорится твоя чешуя,
И окончилось — Мы, или Онъ, или Я,
Ты костеръ зажигаешь изъ тѣлъ.

Голубая Змѣя съ золотой чешуей,
Я еще не забылъ Вавилонъ.
Не забылъ теокалли съ кровавою мглой
Надъ родимой моею, надъ Майской землей,
Гдѣ возлюбленъ былъ сердцемъ Драконъ.

Я еще не забылъ ни Египетъ родной,
Ни подсолнечникъ вѣчный, Китай.
Ни того, какъ я въ Индіи, мучимъ Судьбой,
Лотосъ Будды взростилъ, мой расцвѣтъ голубой,
Чтобъ взойти въ нетревожимый Рай.

Голубая Змѣя съ золотой чешуей,
Я тревожиться буду всегда.
Но зачѣмъ я тебѣ, о, Драконъ міровой?
Или ты лишь тогда и бываешь живой,
Какъ во мнѣ океаномъ — Бѣда?

ЗОЛОТО-МОРЕ.

Есть Золото-Море.
На Золотѣ-Морѣ,
Которое молча горитъ,
Есть Золото-Древо,
Оно одиноко
Въ безбрежномъ горѣньи стоитъ.

На Золотѣ-Древѣ
Есть Золото-Птица,
Но когти желѣзны у ней.
И рветъ она въ клочья
Того, кто ей нелюбъ,
Межь красныхъ и желтыхъ огней.

Есть Золото-Море.
На Золотѣ-Морѣ,
Бѣлъ Камень, бѣлѣя, стоитъ.
На Камнѣ, на бѣломъ,
Сидитъ Красна Дѣва,
А Море безбрежно горитъ.

На Золотѣ-Морѣ,
Подъ Камнемъ, подъ бѣлымъ,
Подъяты желѣзны врата.
Сидитъ Красна Дѣва,
Подъ нею — глубины,
Подъ камнемъ ея — темнота.

И Золото-Море
Сверкаетъ безбрежно,
Но въ глубь опускается трупъ.
То Красная Дѣва
Въ бездонности топитъ
Того, кто ей вправду былъ любъ.

КВЕТЦАЛЬКОАТЛЬ - ВОТАНЪ.

Созвѣздье Южнаго Креста
    Сіяло надо мной.
Была воздушна темнота
    Съ шумящею волной.

Усумасинтою я плылъ,
    Могучею рѣкой,
Несущей свѣжесть влажныхъ силъ,
    Какъ всѣ, въ просторъ морской.

Усумасинтою я плылъ,
    Рѣкою Майскихъ странъ,
Гдѣ сотни лѣтъ назадъ скользилъ
    Въ своей ладьѣ Вотанъ.

То былъ таинственный пришлецъ,
    Строитель Пирамидъ.
Остатокъ ихъ, его вѣнецъ,
    Сномъ длительности спитъ.

То былъ возлюбленникъ волны,
    Чье имя влажно — Атль.
Пророкъ, въ зеркальность влившій сны,
    Драконъ Кветцалькоатль.

Онъ научилъ чужихъ людей,
Кветцалькоатль - Вотанъ,
Что пламень ласковыхъ лучей
Живымъ для жизни данъ.

Что на уступахъ Пирамидъ
Не кровь цвѣсти должна.
И вотъ на выси твердыхъ плитъ
Вошла въ цвѣтахъ Весна.

Душистость красочныхъ цвѣтовъ
И благовонный дымъ
И звучный зовъ напѣвныхъ словъ
Навѣки слиты съ нимъ.

Онъ былъ, прошелъ, онъ жилъ, любилъ,
Среди лѣсистыхъ мѣстъ,
Оставивъ символъ вешнихъ силъ,
Равносторонній крестъ.

Ушелъ, но вторитъ высота,
Надъ тишью Майскихъ странъ,
Созвѣздьемъ Южнаго Креста,
Что здѣсь прошелъ — Вотанъ.

БОГЪ ЦВѢТОВЪ.

Мы не видимъ корней у цвѣтовъ,
Видимъ только одни лепестки.
И не знаемъ ихъ медленныхъ сновъ,
Ихъ тягучей и долгой тоски.

И не надо намъ видѣть его,
Сокровеннаго таинства тьмы.
Нужно видѣть одно торжество,
Предъ которымъ такъ счастливы мы.

Богъ Цвѣтовъ, ты великій поэтъ,
Ты насъ вводишь легко въ Красоту.
Слава тайнѣ, скрывающей слѣдъ,
Слава розамъ и грезамъ въ цвѣту!

ОНЪ ГЛЯДѢЛЪ.

Онъ глядѣлъ въ глубинность водъ.
Онъ глядѣлъ въ нѣмыя зыби,
Гдѣ возможно жить лишь рыбѣ,
Гдѣ надземный не живетъ.
Онъ глядѣлъ въ лазурность водъ,
И она являла чудо,
Доходя до изумруда,
Что цвѣтетъ, и вотъ, плыветъ.
Онъ глядѣлъ на дно. Оттуда
Восходила тайно власть,
И звала туда упасть.
Тамъ была сокровищъ груда,
Рой тамъ чудился тѣней
Потонувшихъ кораблей.
Онъ глядѣлъ. Зрачки чернѣли.
Расширялся малый кругъ.
Колдовала страсть. И вдругъ,
Словно пѣлъ напѣвъ свирѣли.
Добровольно, тотъ, кто смѣлъ,
Какъ чужою волей кинутъ,
Опускался въ глубь, въ предѣлъ,
Гдѣ, мерцая, рыбы стынутъ.
Тотъ тонулъ. А онъ глядѣлъ.
Расширенными глазами

Онъ смотрѣлъ въ подвижность струй.
Въ нихъ какъ будто голосами
Кто-то жилъ, и поцѣлуй
Тамъ горѣлъ, дрожа огнями.
Съ драгоцѣнными камнями
Утонувшій выплывалъ.
Съ огнецвѣтомъ, съ жемчугами,
Съ аметистомъ, жилъ опалъ.
Онъ глядѣлъ, какъ тотъ смѣялся
Надъ подарками зыбей.
Но душой не съ нимъ сливался, —
Съ ликомъ мертвыхъ кораблей.
И въ глазахъ его, какъ въ чудѣ,
Что-то было тамъ вдали,
Вѣялъ парусъ, плыли люди,
Убѣгали корабли.
Путь до нихъ обозначался
Черезъ глубь его очей.
О, недаромъ межь людей,
Онъ недаромъ назывался
Открывателемъ путей.

ГРЕБЕЦЪ.

На главѣ его смарагдовый вѣнецъ.
ПѢСНЬ ПОТАЕННАЯ.

Мнѣ привидѣлся корабль, на кораблѣ сидѣлъ гребецъ,
На главѣ его златистой былъ смарагдовый вѣнецъ.
И въ рукахъ своихъ онъ бѣлыхъ не держалъ совсѣмъ
весла,
Но волна въ волну втекала, и волна его несла.
А въ рукахъ гребца, такъ видѣлъ я, лазоревый былъ
цвѣтъ,
Этотъ цвѣтъ произрастеньемъ былъ не нашихъ зимъ
и лѣтъ.
Онъ съ руки своей на руку перекидывалъ его,
Переманивалъ онъ души въ кругъ вліянья своего.
Въ кругъ сіянія смарагда и лазоревыхъ цвѣтовъ,
Измѣнявшихъ нѣжной чарой синеву безъ береговъ.
Съ снѣговыми парусами тотъ корабль по Морю плылъ,
И какъ будто съ каждымъ мигомъ въ Солнцѣ больше
было силъ.
Будто Солнцу было любо разгораться безъ конца,
Было любо синю Морю уносить въ просторъ гребца

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Мы уйдемъ...

ВЪ ЯРКИХЪ БРЫЗГАХЪ.

Дважды рожденные.
Съ вѣтрами.
Хмѣльное Солнце.
Вино.
Пчела.
Хаосъ.
Скрипка.
Мысли сердца.
Взводень.
Хмѣль.
Царь царю.
Стихъ вѣнчальный.
Цвѣтная перевязь.
Блестящія мухи.
Мой домъ.
Трава-хвалиха.
Семицвѣтный мостъ.
Бѣлая панна.
Солнце.
Съ высокой башни.
Въ яркихъ брызгахъ.

ЗЕЛЕНЫЕ СВЯТКИ.

Зеленые Святки.
Первовѣсть.
На грани.
Свѣтлое-темное.
Три молота.
Лада.
Праздникъ вербы.

Любъ-трава.
Воздушность.
Лѣтній снѣгъ.
Красная горка.
Жемчужинѣ.
Царевна-Недотрога.
Роса.
Онъ мнѣ снился.
Роза-шиповникъ.
Юной Кубанкѣ.
Ты далеко.
Муха.
Солнечникъ.
Искра.
Купальницы.
Хвалите.

ПРЕЛОМЛЕНІЕ.

Преломленіе дня.
Теремъ міра.
Родное.
Было—будетъ.
Драмы міра.
Городъ.
У Моря.
Морское.
Птицы.
Путь.
Счастливъ...
Морскія розы.
Птица мести.
Литовская пѣсня.
Заря.
Жалоба къ цвѣтку.
Влюбленность.
Вѣроломный.
Измѣна безъ измѣнника.
Теремный умъ.
Охотникъ.
Двойственный часъ.
Три коня.

ОЖЕРЕЛЬЕ.

Стебель придорожный.
Червонные Святки.

Золотая парча.
Божья.
Зеленый, красный, черный.
Три камня.
Молитва къ Лунѣ.
Тайна жемчуговъ.
Не вернувшійся.
Заклятые.
Опрокинутый кубокъ.
Заклинаніе Стихій.
Завершенность.
Запорожская дружина.
Звукъ изъ таинствъ.
Островъ.
Слово о Судьбѣ.
Облачная лѣстница.
Праздникъ Неба.

РУНЫ НОЧИ.

Пошутитъ...
Руны Ночи.
Змѣиная свѣча.
Переброшенныя звенья.
Заклинанье Воды и Огня.
Хвоя.
Заклятіе Мѣсяца.
Зачарованіе.
Слово къ тремъ птицамъ.
Слово отъ змѣй.
Слово отъ змѣинаго яда.
Ты хочешь?
Туманный конь.
Двѣ воды.
Желай.
Огненная межа.
Свадьба Воды и Огня.
Руны.
Духъ Древа.

МОРАНА.

Морана.
Ткачиха.
Черезъ столѣтія столѣтій.
Три души.
Міровая паутина.

Долины сна.
Тѣнь.
Надъ вѣчною страницей.
Круговой вертепъ.
Причастіе Ночи.
Свѣтъ прорвавшійся.
Нашъ танецъ.
Осень.
Хрустальный воздухъ.
Прощай.
Поля вечернія.
Створки раковинъ.
Не погасай.
Тѣлесность.
Возгласъ боли.
Живому отъ вѣчно-живого.
Звѣзда къ звѣздѣ.
Бѣлый звонъ.
Разъединенные.
Одежда души.
Хрустальные звоны.
Косогоръ.
Это ли?
Усни.
Звѣздное тѣло.

МАЙЯ.

Цвѣтокъ лиловатый.
Яровитъ.
Міровая Красота.
Изъ страны Кветцалькоатля.
Молитва къ Солнцу.
У Майскихъ развалинъ.
Изумрудная птица.
Орхидея.
Зеркало.
Змѣиное отродье.
На пирамидѣ Уксмаль.
Подъ тѣнью крыльевъ.
Колдунъ.
Вожди Красноцвѣтныхъ.
Перистый перстень.
Мексиканскій вечеръ.
Довременная.
Любовь.

Змѣиное число.
Розы.
Багрянецъ.
Женщина-Змѣя.
Тецкатлипока.
Тлалокъ.
Кветцалькоатль.
Онъ, Который.
Голубая Змѣя.
Золото-Море.
Кветцалькоатль-Вотанъ.
Богъ цвѣтовъ.
Онъ глядѣлъ.
Гребецъ.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ.

ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

ПИСАТЕЛИ: ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ, М. АРЦЫБАШЕВЪ, ШАЛОМЪ АШЪ, К. БАЛЬМОНТЪ, А. БЛОКЪ, В. БРЮСОВЪ, ИВ. БУНИНЪ, В. ВЕРЕСАЕВЪ, КНУТЪ ГАМСУНЪ, Г. ГАУПТМАНЪ, С. ГОРОДЕЦКІЙ, С. ЕЛПАТЬЕВСКІЙ, БОР. ЗАЙЦЕВЪ, М. КРИНИЦКІЙ, А. КУПРИНЪ, М. МЕТЕРЛИНКЪ, О. МИРБО, В. МУЙЖЕЛЬ, С. НАЙДЕНОВЪ, А. СЕРАФИМОВИЧЪ, С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ, ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ, А. СТРИНДБЕРГЪ, Н. ТЕЛЕШЕВЪ, Е. ЧИРИКОВЪ, Г. ЧУЛКОВЪ, С. ЮШКЕВИЧЪ, АНАТОЛЬ ФРАНСЪ И ДР.

ХУДОЖНИКИ: Б. АНИСФЕЛЬДЪ, И. БИЛИБИНЪ, АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА, Л. БАКСТЪ, А. ГАУШЪ, Т. Т. ГЕЙНЕ, Г. А. ГОЛЬДШТЕЙНЪ, З. ГРЖЕБИНЪ, Ю. ДИЦЪ, М. ДОБУЖИНСКІЙ, В. ЗАМИРАЙЛО, Д. КАРДОВСКІЙ, К. КОЛЬВИТЦЪ, Б. КУСТОДІЕВЪ, Е. ЛАНСЕРЕ, В. МИЛІОТИ, А. ОСТРОУМОВА, Н. РЕРИХЪ, Ю. РѢПИНЪ, К. СОМОВЪ, СТЕЙНЛЕНЪ, В. СѢРОВЪ, В. ЧЕМБЕРСЪ, С. ЧЕХОНИНЪ И ДР.

ЦѢНА КАЖДАГО АЛЬМАНАХА 1 РУБЛЬ, БЪ ПЕРЕПЛЕТѢ 1 р. 25 коп.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ., Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

А. СЕРАФИМОВИЧЪ. У ОБРЫВА.—А. КУПРИНЪ. БРЕДЪ.—
С. СЕРГѢЕВЪ-ЦЕНСКІЙ. ЛѢСНАЯ ТОПЬ. — Н. ГАРИНЪ.
КОГДА-ТО... — БОР. ЗАЙЦЕВЪ. ПОЛКОВНИКЪ РОЗОВЪ.

II.

ГОРОДЪ: В. БРЮСОВЪ. ГОРОДЪ. (стихотворенiе).
М. ДОБУЖИНСКІЙ. ГОРОДЪ. БУДНИ. ПРАЗДНИКЪ. (рисунки).
Л. БАКСТЪ. УЛИЦА. (рисунокъ). Н. РЕРИХЪ. ГОРОДЪ. (рисунокъ).

III.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА.

КНИГА ВТОРАЯ.

I.

В. МУЙЖ ЕЛЬ. ПОКА...— А. КОИРАНСКІЙ. ХОЛОДЪ. — И. БУНИНЪ.
У ИСТОКА ДНЕЙ. — БОР. ЗАЙЦЕВЪ. МАЙ.

II.

стихи.

ИВ. БУНИНЪ. ПЕТРОВЪ ДЕНЬ. ПРОВОДЫ. ГЕЙМДАЛЬ.
АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ЕГИПТѢ.

СЕРГ. ГОРОДЕЦКІЙ. РУСЬ. ВЕСНЯНКА.

АЛ. БЛОКЪ. Н. Н. ВОЛОХОВОЙ. ЛЕГЕНДА.

III.

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА. „СМЕРТЬ“ 6 рис.

IV.

СЕНТЪ ЖОРЖЪ ДЕ-БУЭЛЬЕ. КОРОЛЬ БЕЗЪ ВѢНЦА.

Разрѣшенный авторомъ переводъ съ франц. Зин. Венгеровой и В. Биншток.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ АЛЬМАНАХИ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

I.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ. ТЬМА. — ИВ. БУНИНЪ. АСТМА. — БОР. ЗАЙЦЕВЪ. СЕСТРА. — А. КУПРИНЪ. ИЗУМРУДЪ. — А. СЕРАФИМОВИЧЪ. ПЕСКИ.

II.

АЛ. БЛОКЪ. стихи.
Г. ЧУЛКОВЪ. ЗОЛОТАЯ НОЧЬ. стихи.

III.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ. ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА. романъ.

ВЪ БЛИЖАЙШИХЪ КНИГАХЪ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ АЛЬМАНАХОВЪ БУДУТЪ ПОМѢЩЕНЫ:

А. Купринъ. Суламиѳь. — М. Метерлинкъ. Синяя птица (съ рисунками Б. Анисфельда). — Бор. Зайцевъ. Аграфена. — Ѳедоръ Сологубъ. Навьи чары. Романъ. — Е. Лансере. Голодъ (рисунки). — Леонидъ Андреевъ. Проклятіе звѣря. — А. Купринъ. Городъ. — В. Брюсовъ. Городъ. — М. Клингеръ, К. Кольвитцъ, М. Добужинскій. Городъ. (Рисунки). — С. Юшкевичъ. Леонъ Дрей. Романъ. — Стейлненъ. Трудъ и капиталъ. (Рисунки). — С. Сергѣевъ-Ценскій. Береговое. — Шаломъ Ашъ. Сабатай Цви. — А. Купринъ. Нищіе. — Леонидъ Андреевъ. Навуходоносоръ. — Б. Анисфельдъ. Сны. (Рисунки). — А. Галенъ. Любовь (рисунки).

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

СѢВЕРНЫЕ СБОРНИКИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Іенсъ Петеръ Якобсенъ. Могенсъ (пер. А. Острогорской). Пусть розы здѣсь цвѣтутъ (пер. А. Блока). — **Зельма Лагерлёфъ.** Семь смертныхъ грѣховъ (пер. С. Городецкаго).— **Августъ Стриндбергъ.** Преступникъ (пер. С. Городецкаго).— **Германъ Бангъ.** Четыре бѣса. Ея Высочество (пер. Ѳедора Сологуба).—**Оскаръ Левертинъ.** Зельма Лагерлёфъ (статья). **Теодоръ Вольфъ.** Іенсъ Петеръ Якобсенъ (статья).

Цѣна книги 1 рубль.

КНИГА ВТОРАЯ и ТРЕТЬЯ.

Кнутъ Гамсунъ. Мистеріи. Пер. А. Острогорской. **Ола Гансонъ.** Sensitiva amorosa. Пер. Ю. Балтрушайтиса. **А. Купринъ.** О Кнутѣ Гамсунѣ. Цѣна 1 р. 50 коп.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Выйдетъ въ декабрѣ 1907 года.

Іенсъ Петеръ Якобсенъ. Нильсъ Люне. Романъ. Пер. Ѳедора Сологуба. **Гаральдъ Гефдингъ.** Потомокъ Гамлета (статья о Киркегорѣ). **Серенъ Киркегоръ.** Афоризмы. Цѣна 1 рубль.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

КНУТЪ ГАМСУНЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса и *С. Полякова.*

въ одиннадцати томахъ.

Съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ.
Переводы исключительно съ норвежскаго.

Томъ I. Духовная жизнь совр. Америки. Голодъ.
„ II. Мистеріи.
„ III. Редакторъ Люнге.
„ IV. Новь. Панъ.
„ V. У вратъ Царства. Драма жизни. Вечерняя заря.
„ VI. Сіеста. Викторія.
„ VII. Мункенъ Вендтъ.
„ VIII. Въ сказочной странѣ. Чаща.
„ IX. Царица Тамара. Дикій хоръ.
„ X. Мечтатель. Воинствующая жизнь.
„ XI. Подъ осенними звѣздами.

Печатается и въ скоромъ времени поступитъ въ продажу томъ VI. Содержаніе: Сіеста. Перев. С. Полякова.—Викторія. Перев. К. Бальмонта.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ». СПБ. Б. КОНЮШЕННАЯ 17.

Бор. Зайцевъ. Разсказы.
Волки. Мгла. Тихія зори. Священникъ Кронидъ. Хлѣбъ, Люди и Земля. Деревня. Миѳъ. Черные вѣтры. Завтра! **Цѣна 50 коп.** (2-ое изданіе).

С. Сергѣевъ-Ценскій. Разсказы. Томъ II.
Снѣжное поле. Мертвецкая. Кукушка. Гроза. Ясный день. Проталина. Ожиданіе. Пьяный Курганъ. Отъ трехъ бортовъ. Безстѣнное. Цѣна 1 р.

В. Муйжель. Разсказы. Томъ I.
Мужичья смерть. Въ кухнѣ. Солдаты. Аренда. Бабья жизнь. Цѣна 1 р.

К. Ковальскій. Разсказы. Томъ I.
Въ лѣсу. На черноземѣ. Только шагъ! Воръ. Смѣхъ и плачъ. Первый валъ. Весна. Полуночное солнце. Человѣкъ, который... Тоска по родинѣ. (Печатается).

Ѳ. Сологубъ. Мелкій бѣсъ. Романъ. Цѣна 1 р. 75 к.

Шаломъ Ашъ. Городокъ. Поэма изъ еврейской жизни въ Польшѣ. Единственный, разрѣшенный авторомъ, переводъ съ еврейскаго. Цѣна 75 к.

К. Д. Бальмонтъ. Птицы въ воздухѣ. Цѣна 2 р.

Е. Тарасовъ. Земныя дали. Вторая книга стиховъ. Ц. 60 к.

Г. Чулковъ. Анархическія идеи въ драмахъ Ибсена. Цѣна 30 к.

Байронъ. Каинъ. Перев. И. Бунина. Обложка В. Чемберса. Цѣна 1 р. 50 к.

Франкъ Ведекиндъ. Томъ I.
Гидалла. Перед. Л. Василевскаго. Музыка. Перев. З. Венгеровой. Цѣна 1 р. 20 к.
Томъ II. Лулу. 1) Вампиръ. Пер. Вс. Мейерхольда. 2) Ящикъ Пандоры. Перев. Гиберманъ. Цѣна 1 р. 25 к.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Duke University Libraries
D01353560N

D01353560N
Duke Library Service Center